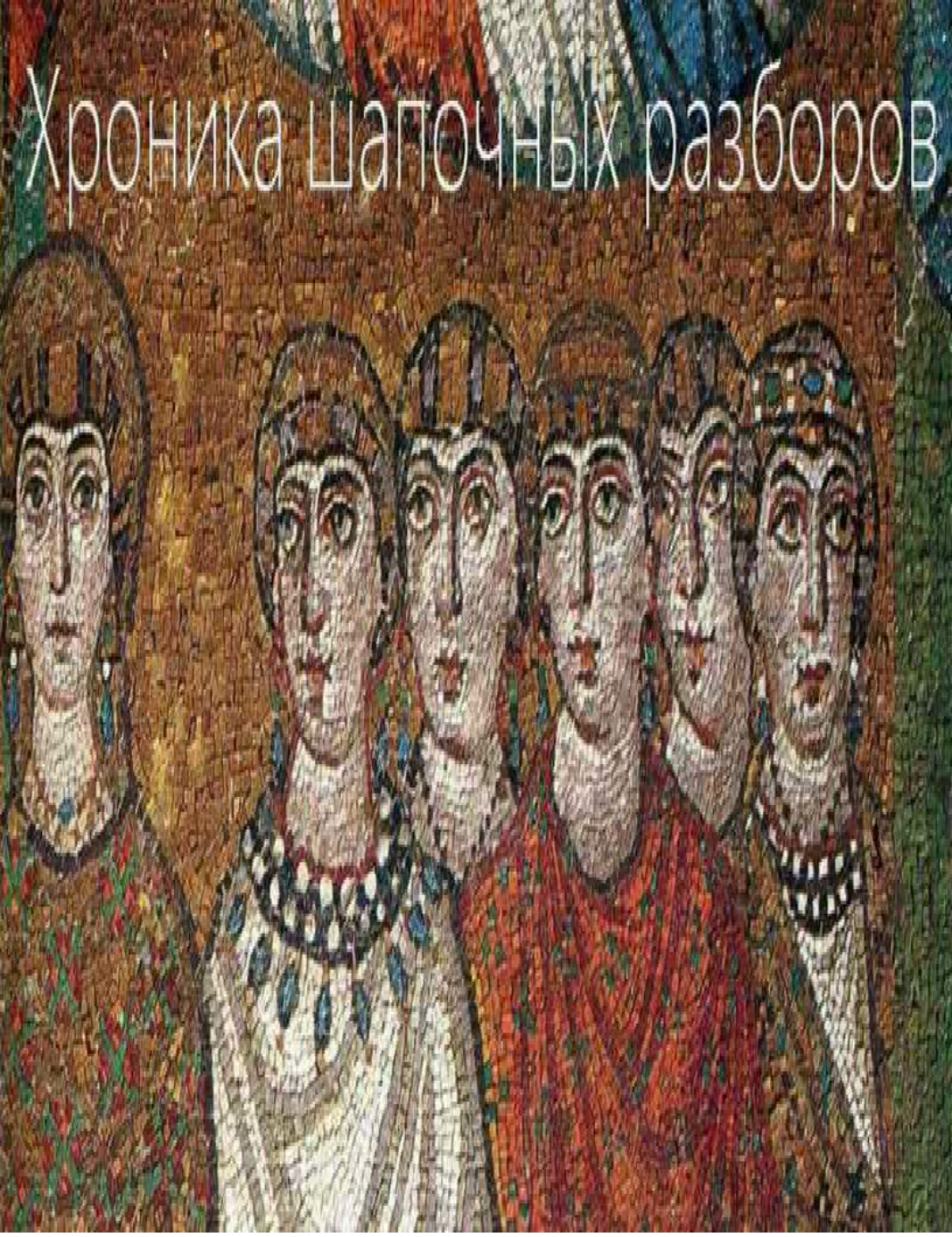
Хроника шапочных разборов



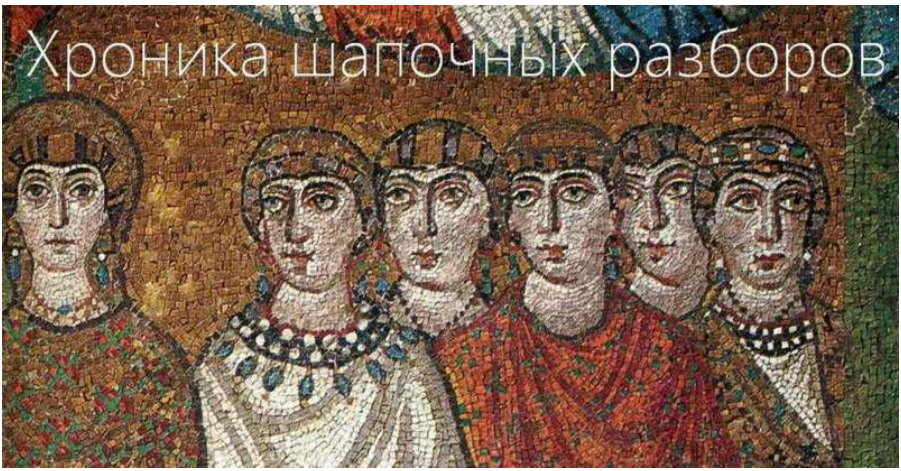
SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Популярный очерк истории Византии XI века и ее влияния на русское государство.

- Валентин Антонов
  -
  - Василий Второй и Второй Василий
  - Три сестры
  - Достойный муж
  - Стыдливый муж
  - «Этот странный муж»
  - Революция достоинства
  - Кастинг на букву «К»
  - Государственный муж
  - Византийская мозаика
  - Багрянородная «царица» русских летописей
  - Из варяг да в греки
  - Милые бранятся — только тешатся
  - Шапка Мономаха

Валентин Антонов
Хроника шапочных разборов

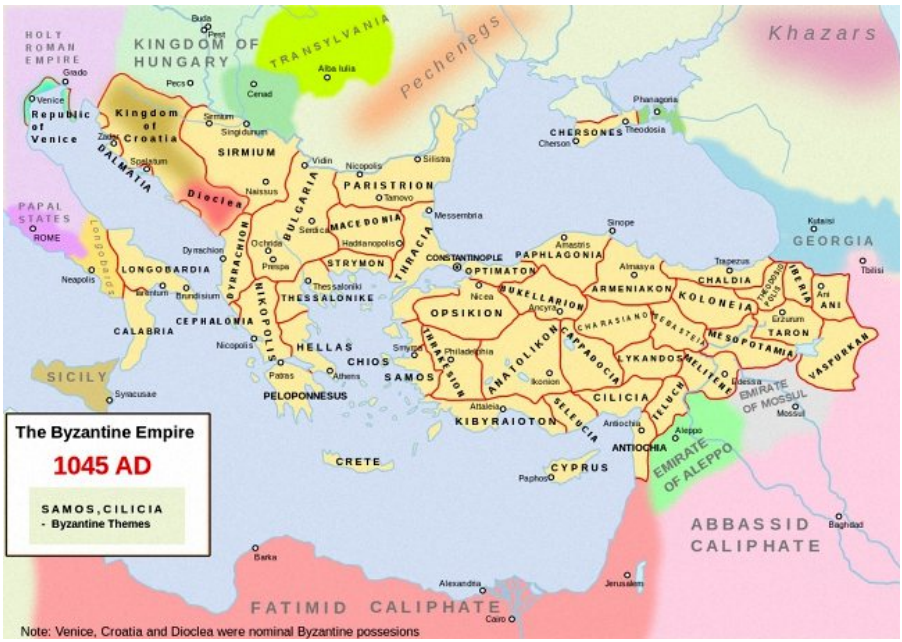


Василий Второй и Второй Василий

Помнится, в школе, давно уже, сильное впечатление произвела на меня короткая и скупая информация в учебнике о византийском императоре Василии Болгаробойце. Совершенно жуткая история о том, как он расправился с захваченными в плен врагами, чуть ли не десятками тысяч болгар: он их попросту ослепил, лишил глаз и отправил на родину, дав каждой сотне из них недоослеплённого, то есть одноглазого, поводыря.

Пожалуй, это самое яркое школьное моё впечатление от Византии. Вот Западную Римскую империю, «настоящую» Римскую империю, в школьном учебнике обсуждали подробно и с удовольствием, тогда как обсуждение Восточной Римской империи — Византии — проходило очень бегло, словно бы скороговоркой, навсегда оставляя в школьниках ощущение какого-то исторического нонсенса: где Рим — Рим! — и где тот Константинополь?..

А в самом деле, где?



Византийская империя в середине XI века. От южной Италии до Армении. Все балканские страны, а также Греция, Турция, Сирия, Кипр… И ещё — прибрежный Крым, от Севастополя до Феодосии.

Вот таким он был, этот «второй Рим». Империя…

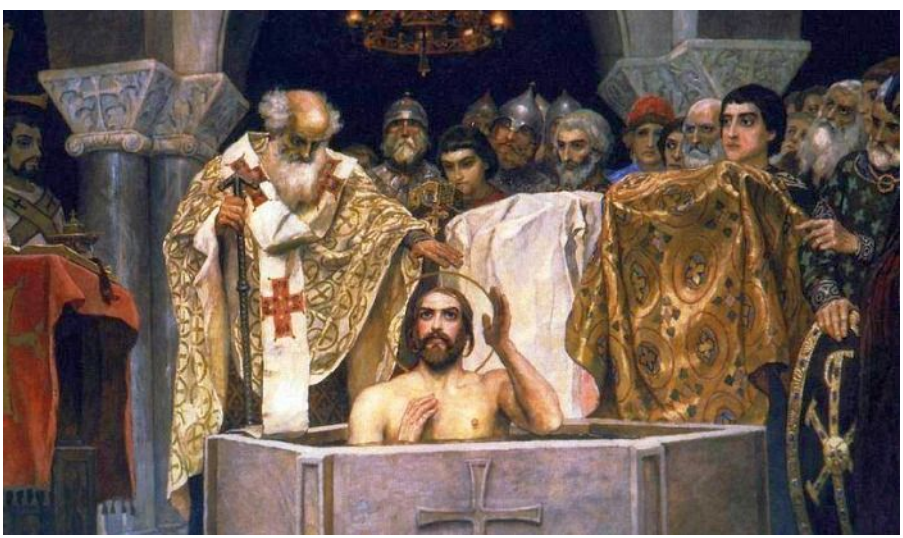
У кошмарного Болгаробойцы был младший брат Константин,

номинально деливший с ним императорскую власть, и ещё более младшая сестра по имени Анна. Та самая Анна-«царица», которую её братья-императоры уговорили выйти замуж за святого нашего князя Владимира Красное Солнышко.

Наверное, не столько уговорили, сколько принудили. Надо сказать, что у Красного Солнышка сложилась к тому времени весьма прескверная репутация, о чём откровенно пишет русская «Повесть временных лет»:

> …Был же Владимир побеждён похотью, и были у него жёны <…>, а наложниц было у него 300 в Вышгороде, 300 в Белгороде и 200 на Берестове, в сельце, которое называют сейчас Берестовое. И был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растляя девиц…

«Иду, как в полон, лучше бы мне здесь умереть», — расплакалась Анна, отправляясь в крымский Херсонес на первую встречу с мужем — Красным Солнышком. Очевидно, одним из условий её замужества было обращение Владимира в христианскую веру: там же, в Херсонесе Таврическом, примерно в 988 году, будущий святой и принял крещение «по закону греческому».



Крещение князя Владимира Красное Солнышко в представлении художника В. М. Васнецова. Фрагмент росписи Владимирского собора в Киеве.

Кстати сказать, именно в честь царственного шурина святой наш Владимир Креститель получил своё христианское имя —

Василий. «Царица» Анна вышла за Владимира-Василия лет в 25, примерно столько же, вплоть до её смерти, продлился и их брак. Достоверных сведений об их общих детях история не сохранила…

Но вернёмся в Константинополь. Император Василий Болгаробойца скончался в 1025 году, не оставив после себя потомства. Самодержцем стал его 65-летний брат Константин. Всю жизнь Константин прожил словно бы в тени своего старшего грозного брата — ел-пил-гулял в своё удовольствие, будто бы намереваясь жить вечно. И у него тоже не было наследников, а только лишь наследницы: сёстры Евдокия (старшая), Зоя (средняя) и Феодора.

Представления Константина VIII о правосудии и гуманности совершенно не отличались от соответствующих представлений его покойного брата-болгаробойцы. Вот как характеризует Константина выдающийся византийский писатель и историк того времени Михаил Пселл:

> …Человек вспыльчивый, он легко поддавался гневу, верил любым наговорам, особенно если подозревал, что кто-то покушается на царскую власть, и карал за это сурово: злоумышленников он не подвергал опале, не изгонял и не заключал под стражу, а немедленно выжигал им глаза железом. <…>

Кара эта казалась ему самой лёгкой, и он предпочитал её другим, так как она делала подвергшихся наказанию беспомощными существами. Он применял её без разбору к людям большим и малым…

Когда абсолютная власть неожиданно свалилась на его голову, Константину было уже под семьдесят. Три года спустя он почувствовал, что жить не то чтобы вечно, но и хоть сколько-нибудь долго — у него уже вряд ли получится. Начались лихорадочные поиски достойного мужа для одной из трёх сестёр — для Евдокии, Зои или Феодоры. В приданое сей достойный муж получил бы со временем, по задумке Константина, и всё его царство.

Три сестры

Кандидата в мужья и, соответственно, в будущие императоры долго искать не пришлось (да и времени-то особенно не было на слишком долгие поиски). У кандидата, в лице столичного градоначальника Романа Аргира, было масса достоинств и всего лишь один-единственный, но зато какой же крупный, недостаток: он, как пишет Михаил Пселл, «с ранних лет был женат и потому оказался негодным в преемники». Далее Пселл так развивает эту свою мысль:

> Родом и достоинством он был самым подходящим человеком, но к жене своей относился отнюдь не по-философски, и из-за этого его женитьба на императорской дочери представлялась всем весьма затруднительной.

«К жене своей относился отнюдь не по-философски» — другими словами, Роман-кандидат решительно не хотел разводиться со своей собственной женой, с которой он много лет прожил в счастливом браке. А ведь речь шла не о какой-то ерунде, а о высших интересах империи. «Относился отнюдь не по-философски» — нет, ну как так можно, в самом деле?..

Помимо прочего, император Константин был игрок. В кости и в шашки. Заядлый игрок. И вот теперь ставкой в его последней игре была — империя. Проиграть эту свою последнюю игру Константин не имел права.

Многолетним супругам доходчиво объяснили, что в случае отказа жениться на принцессе и получить в приданое всё царство сей достойный муж, Роман, немедленно попадёт в жуткую немилость и, по старой доброй традиции, будет ослеплён. Эти доводы показались супругам настолько убедительными, что жена Романа тут же предоставила мужу полную свободу действий и добровольно отправилась в монастырь…

Время, время, время… Его у Константина почти не оставалось. В своей последней игре он шёл напролом: теперь надо было быстро женить Романа на царской дочери. Да, но на которой же из трёх?.. Нужна-то ведь одна?.. Одна, одна, одна…

К счастью, Евдокия, старшая из трёх сестёр, отпала сразу: ещё в детстве тяжёлая болезнь (кажется, оспа) оставила и на ней, и в ней свой неизгладимый отпечаток, и Евдокия давно уже решила посвятить себя исключительно Богу (вот так, в монашестве, она тихо и незаметно уйдёт из жизни всего несколько лет спустя).

Оставались двое — средняя сестра Зоя и младшая сестра Феодора. (Роману, думается, было решительно всё равно, которая из них поможет сохранить ему зрение; впрочем, его мнение по этому вопросу едва ли кого тогда интересовало.) Оставались двое — Зоя и Феодора. Впору было бросать жребий…

Бросать жребий не понадобилось: Феодора сама сняла свою кандидатуру. То ли 60-летний градоначальник Роман внушал ей такое уж непреодолимое отвращение, то ли вообще все мужчины (до конца жизни она ведь так и не вышла замуж), то ли Феодора последовала мудрым советам доброжелателей — сказать трудно, но факт остаётся фактом: становиться женой Романа младшая из царских дочерей решительно отказалась.

Ну что ж, отказалась так отказалась — никто, как говорится, её не неволил, да и сердцу ведь не прикажешь…

Последняя игра императора Константина завершилась полным триумфом: все препятствия на пути к браку чудесным образом самоустранились, ибо Зоя, прекраснейшая из сестёр, была согласна на всё. Слово Михаилу Пселлу:

> Роман прибыл во дворец, чтобы породниться с царём, и как только увидел прекраснейшую из дочерей Константина, так сразу и вступил с ней в царское супружество.

Тремя днями позже император Константин с лёгким сердцем скончался. Зоя и Роман обрели, наконец, своё семейное счастье, благодаря чему бразды правления империей взял в свои руки «достойнейший из мужей».

Достойный муж

Муж не только достойный, но для Зои ещё и первый («муж» здесь не в смысле мужчина вообще, а в смысле именно муж). Да, но ведь ей уже пятьдесят?.. Ну, так получилось. Ведь не специально же…

Её отец, игрок и бонвиван Константин, последнюю свою партию выиграл вчистую. Едва успев выдать среднюю дочь замуж, он тут же и скончался: всего через три дня после бракосочетания его с таким трудом обретённый зять Роман стал новым византийским самодержцем.

Учитывая уникальную ситуацию с полным отсутствием у Македонской династии наследников-мужчин, трудно удивляться тому, что император Роман первым делом обратил все свои силы и средства на создание своих собственных наследников. Ему, правда, уже 60, его багрянородной супруге 50, но попытка ведь не пытка?..

> …Он, пренебрегая главным условием, без которого невозможно зачатие, обратился за помощью к тем, кто хвастал, будто они умеют одолевать и вновь возбуждать природу, и велел умащать и притирать своё тело, предписав то же самое и жене.
>
> А она старалась и того больше, совершала множество магических обрядов, подвешивала к телу какие-то камешки, прикрепляла амулеты, обвязывалась верёвками и носила всякую чепуху на теле…

Дошедшее до нас изображение царицы Зои. Софийский собор (фрагмент мозаики)

(Говоря в скобках: современники отмечают, что едва ли не единственной, самой настоящей страстью царицы Зои Константиновны было «изменять природу ароматических веществ, приготовлять благовонные мази, изобретать и составлять одни смеси, переделывать другие» — другими словами, проделывать самые настоящие химические эксперименты, и всё это ради одного: чтобы самой ей выглядеть свежо и молодо; она многого достигла в этом направлении: по словам того же Пселла, она даже и гораздо позже, чем в свои 50 лет, «сохранила лицо без единой морщинки и цвела юной красотой»; впрочем, как намекает Пселл, другие её успехи в борьбе с беспощадным временем были куда скромнее.)

Ни все те мудрые советчики Романа, ни уникальные мази искусницы Зои, ни всякая чепуха на теле того и другого — ничто не помогало супругам зачать наследника. Стало очевидно, что династия, к которой принадлежали и Василий Болгаробойца, и византийская жена Красного Солнышка, продолжения иметь не будет. (Впрочем, свою сестру Феодору, моложе её на 6 лет, Зоя в монастырь всё же отправила. Так, на всякий случай…)

Потерпев неудачу в своих первоначальных планах, Роман

посчитал себя свободным от всех супружеских долгов:

> …Роман пренебрегал царицей, от соитий с нею воздерживался и питал отвращение ко всякому общению с Зоей.

А она возненавидела Романа из-за оскорбления, нанесённого в её лице царскому роду, и особенно из-за страсти к соитию, которую — вопреки возрасту — поддерживала в ней изнеженная жизнь во дворце…

Весь прежний энтузиазм Романа обратился теперь на дела сугубо государственные — и здесь, однако, тоже без особенного успеха. Теперь уже никто не скажет, что творилось в душе Романа, когда он осознал, что вся его предыдущая и в целом вполне ведь успешная жизнь — она вдруг, в одночасье, рухнула именно тогда, когда, казалось, перед ним открылись столь немыслимые высоты, о которых ранее он не мог даже и мечтать. По иронии судьбы, стать императором этого «достойного мужа» буквально ведь принудили — под угрозой ослепления. И теперь он с ужасом осознал, что все понесённые им жертвы были напрасны и что достигнув немыслимых прежде высот, он на самом-то деле вступил на путь, неумолимо ведший его к катастрофе.

И чем дальше продвигался Роман по этому блестящему и гибельному пути, тем всё острее ощущал он своё одиночество и свою какую-то обречённость, надеясь теперь уже, по-видимому, только на небесные силы. В «Хронографии» Михаила Пселла описан знаменательный эпизод, когда после очередной военной неудачи Роману принесли икону Богоматери.

> Увидев сладостный лик — царь всегда ревностно почитал эту святыню — он тотчас воспрянул духом, обнял, не сказать как горячо прижал её к сердцу, оросил слезами, доверительно заговорил с нею, напомнил о благодеяниях и поборничестве, когда она не раз вызволяла и спасала Ромейскую державу в опасности.

Предав одну свою жену и не обретя другую, Роман уповал теперь лишь на Богоматерь — она-де не предаст и в беде не оставит.

А что же Зоя? Думается, всё происходившее стало трагедией и для неё тоже — ведь не зря же она в своё время обвешивала своё тело «всякой чепухой», истово надеясь забеременеть. Ведь и её надежды тоже вдруг рухнули, и ей, разменявшей уже шестой десяток, к этой неожиданно новой для неё жизни — всё вроде бы

по-прежнему, только вот прежней надежды уже нет и не будет — к этой новой жизни ей надо было как-то приспосабливаться…

Приспособилась Зоя довольно быстро. Однажды императорской чете представили — и надо сказать, не без умысла представили — некоего очень молодого человека по имени Михаил, брата одного из царедворцев. На аудиенцию братья явились вместе.

> Когда оба они вошли, император взглянул на юношу, задал несколько коротких вопросов и велел выйти, но остаться во дворце. Что же до его супруги, то пламя, столь же яркое, как и красота юноши, ослепило её глаза, и покорённая царица сразу же впитала в себя от этого сокровенного соития семя любви к нему.

Красивому юноше по имени Михаил было тогда около двадцати, и он оказался, к тому же, на редкость стеснительным и непонятливым, что при разнице в 32 года между ним и Зоей, видимо, лишь добавляло ему шарма в её глазах. Спустя некоторое время стеснительный юноша, наконец, сообразил, в чём истинная причина небывалого благоволения к нему царицы, и стал постепенно преодолевать свою робость. Зоя же была неудержима, и очень скоро дела зашли далеко.

> …Начав с поцелуев, они дошли до сожительства, и многие заставали их покоящимися на одном ложе. Он при этом смущался, краснел и пугался, а она даже не считала нужным сдерживаться, на глазах у всех обнимала и целовала юношу и хвасталась, что не раз уже вкушала с ним наслаждения.

Короче говоря, Зоя Константиновна вела себя совершенно бесстыдно, нимало не заботясь о возможной реакции императора Романа. Реакция же его оказалась совершенно неожиданной: он, единственный во дворце, не желал иметь никакого представления об амурных приключениях своей супруги. Сперва, вероятно, он наотрез отказывался поверить в то, что царица вообще способна связаться пусть хоть и со смазливым и сексуальным, но ведь к тому же, извините, ещё и припадочным молодым человеком (ну да, у стеснительного красавчика Михаила был всего лишь один недостаток, но зато довольно существенный: грубо говоря, он был эпилептиком).

Когда же обманывать самого себя стало долее невозможно, Роман принял всё происходящее как должное и продолжал играть роль слепого, рассуждая, видимо, следующим образом (Пселл

слышал эту версию от непосредственного свидетеля и участника тех событий).

> …Роман сам как бы хотел верить в то, что царица не состоит в любовной связи с Михаилом, но в то же время, зная, что она весьма любвеобильна и переполнена страстью, и не желая, чтобы эта страсть излилась сразу на многих людей, не возражал против её связи с одним любовником, делал вид, будто ничего не замечает, и потворствовал царицыной страсти.

Загнанный в угол, «достойный муж» даже и не помышлял противостоять судьбе. Собственно говоря, его жизнь уже закончилась, и гораздо раньше — когда его жена, спасая его от слепоты, добровольно остригла свои волосы и отправилась в монастырь. Его жизнь закончилась гораздо раньше, и вот теперь Роману оставалось лишь достойно доиграть свою роль слепого мужа. Предотвращённая когда-то трагедия обещала теперь обернуться почти что фарсом.

Но получилось так, что этот самый «почти что фарс», лишь немного не дотянув до фарса настоящего, обернулся для Романа настоящей трагедией… Свидетельствует Михаил Пселл:

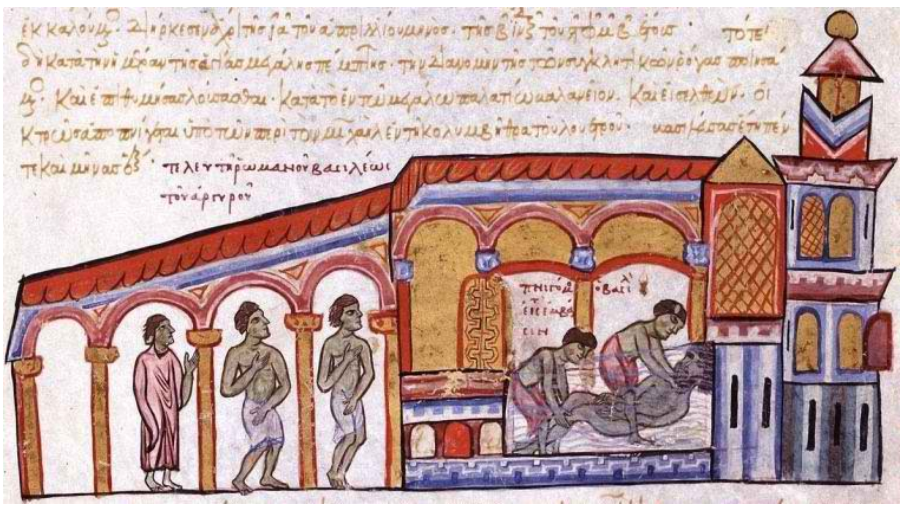
> …Тяжёлая и необычная болезнь постигла самодержца. Всё тело его вдруг подверглось гниению и порче, аппетит исчез, сон быстро отлетел, и всё дурное на него наваливалось… Улыбка покинула его вместе с обаянием души и приятностью нрава, он никому не верил и сам не внушал доверия, подозревал и вызывал подозрение. <…>
>
> Я (в то время мне не было и шестнадцати) нередко видел его в таком виде во время процессий — царь мало чем отличался от мёртвого: всё лицо его было распухшим, цветом не лучше, чем у пролежавшего три дня покойника, он часто дышал и останавливался, не пройдя и нескольких шагов, волосы свисали с его головы, как у трупа, редкая прядь с головы в беспорядке спускалась на лоб, колеблясь, видимо, от его дыхания…

Причина, по которой всё тело Романа вдруг «подверглось гниению и порче», для всех во дворце секретом не была: все знали, что царица Зоя со своим молодым любовником регулярно подмешивали Роману в пищу некие снадобья и зелья. (Скорее всего, никаких иллюзий на сей счёт не ведал и сам император. Но он не противился судьбе, нет — свою чашу, пусть даже и с ядом,

он должен был испить сам и до конца.)

Меж тем начался уже 1034 год. Пять лет назад император Константин слабеющей своей рукой соединил руки Романа и Зои. Блестящий и гибельный тот путь длиною в пять лет, полный призрачных надежд и реальных разочарований, подошёл, наконец, к своему финишу…

Перед праздником Пасхи Роман, почувствовав прилив сил, решил посетить одну из дворцовых бань, чтобы встретить светлый праздник совсем чистым. Сперва он вымыл голову, а затем вошёл в бассейн и с удовольствием погрузился в воду. Там, в бассейне, его и настигли чьи-то руки. Руки сдавили ему шею и немного подержали его голову под водой…



Апрель 1034 года. Самое последнее купание императора Романа (фрагмент средневековой рукописи).

Нет, сразу он не утонул — после всего этого он ещё смог всплыть и позвать на помощь. Кто-то помог ему выбраться из бассейна.

> …На поднявшийся тут крик сбежались люди, среди них императрица без свиты, с выражением глубокой печали на лице. Едва взглянув на мужа, она тотчас ушла, удостоверившись по его виду в близкой кончине. А он, глубоко и горестно вздохнув, посмотрел по сторонам и, не в силах вымолвить ни слова, видом своим и движением головы постарался выразить волю души.
>
> Но никто ничего не мог понять, и он, закрыв глаза, задышал всё чаще. Затем рот его неожиданно широко раскрылся, и оттуда вылилась тёмная, вязкая жидкость, после этого он ещё раз или два вздохнул и расстался с жизнью.

Императрица Зоя при кончине своего первого мужа не присутствовала. «Первого» — потому что практически в день убийства Романа вторым её мужем, а по совместительству и новым самодержцем византийским Михаилом IV, официально стал её молодой, красивый и обаятельно стеснительный любовник.

Покойному императору Роману, давно покинутому всеми, его убийцы устроили похороны по первому разряду. Присутствовавший на тех похоронах Пселл, едва узнав Романа, да и то лишь по знакам царского достоинства, меланхолично заметил: «Какую он вёл жизнь, такого заслужил и погребения, и от своих трудов и трат на монастырь воспользовался только тем, что его похоронили в укромном уголке храма»…

Стыдливый муж

В тот апрельский день 1034 года, когда пятилетние страдания несчастного императора Романа прекратились и он, наконец, расстался с жизнью, перед его вдовой остро встал вопрос: ладно, от Романа она избавилась, но что же ей теперь делать дальше? Первого мужа, «достойного во всех отношениях», навязал Зое отец, и вот теперь — впервые! — ей предоставилась возможность самостоятельно определить свою дальнейшую судьбу.

Так что же сделать, в какую сторону пойти? Опять, как советуют старые друзья и слуги, всё хорошенько взвесить и найти «самого достойного из всех, готового служить ей не как супруге, а как госпоже», или наплевать на советы мудрых этих советчиков и поступить по велению своего собственного сердца и так далее — ведь вот же он, молоденький красавчик Михаил, очаровательно стеснительный и неуместно стыдливый юноша, с которым ей ведь всегда было так хорошо в постели!..

Что ж, в свои 56 лет императрица Зоя ***любила*** — быть может, последней своей любовью. И она была неудержима: в ту же ночь — тело постылого Романа ещё не успело толком остыть — она провозгласила 24-летнего Михаила своим мужем и новым самодержцем византийским.

Тернистый путь влюблённых к счастью: юный красавец Михаил и безутешная вдова Зоя сочетаются узами брака. (А первый супруг Зои, Роман, даже ещё и не похоронен — лежит где-то там, в дальних покоях, всеми позабытый).

Ей-богу, на этой средневековой миниатюре неизвестный художник смог передать всё сразу: и беззащитную влюблённость Зои, и настороженную решимость её новоиспечённого молодого супруга, и крайнюю озабоченность покорных царедворцев.

Озабоченность опытных царедворцев, в общем, понять нетрудно. Со стареющей Зоей во главе уходящей на глазах династии — симпатичной молодёжи «второго Рима» грех было жаловаться на отсутствие во «втором Риме» социальных лифтов. Вот и новый царь Михаил, который уж никак не мог похвастаться знатностью происхождения и который даже, по настойчивым слухам, не так давно занимался едва ли не фальшивомонетничеством, в одночасье вознёсся на самый верхний этаж государственной власти, а вместе с ним, потеснив прежнюю знать, у кормила власти оказались и его многочисленные родственники.

Пселл, свидетель всех этих событий, затрудняется дать молодому супругу Зои сколько-нибудь однозначную характеристику. Точнее сказать, противоречивость этой его характеристики вполне соответствует противоречивой натуре самого императора:

> Характер Михаила заставляет меня раздваиваться в своих суждениях. Если отвлечься от единственной несправедливости, допущенной им в отношении Романа, обвинений в прелюбодеяниях и от преступлений, которые он совершил, чтобы избежать подозрений, его можно причислить к наиболее достойным императорам.

Ну действительно, в самом деле, с кем не бывает… Ну, допустил человек один-единственный раз несправедливость — вместе с Зоей отравил её состарившегося мужа… Ну, преступления там всякие, направо-налево, туда-сюда… Зато во всех прочих отношениях — буквально ведь не в чем упрекнуть человека, не правда ли?..

Как и крайнюю озабоченность искушённых царедворцев, легко понять и настороженную решимость самого Михаила. ***«Опыт научил его подозрительности»***, — кратко замечает по этому поводу Пселл. Ну да, конечно же… Михаил прекрасно помнил печальный опыт своего несчастного предшественника, и свою собственную роль во всей той некрасивой истории, и роль в ней своих теперешних покорных слуг, ну и, разумеется, ведущую роль в ней самой Зои.

Родившийся и выросший далеко-далеко от царских покоев, по-провинциальному впечатлительный и неглупый и, несмотря на

юный возраст, многое в своей недолгой жизни повидавший, этот молодой человек, «первый парень на деревне», ставший вдруг императором, но в глубине души оставшийся всё тем же провинциалом, — Михаил обладал каким-то звериным чутьём на опасность. С первой же минуты, с этого вот пожимания руки своей багрянородной супруги и с её влюблённого взгляда — с той первой минуты и теперь уже навсегда он, вероятно, всем своим существом, душой и телом, стал ощущать невидимую, но смертельную опасность, которая поджидала его во дворце буквально за каждым углом, за каждой дверью, за каждой портьерой, за каждым жестом, словом и взглядом.

Вот с той самой, первой минуты супружества неизменным спутником императора Михаила стал смертельный страх…

Вначале он попытался было поддерживать видимость семейного счастья, но надолго его не хватило: противиться нараставшей в нём панике Михаил был попросту не в силах.

> <Он> стал косо смотреть на Зою и лишил её свободы поведения, отстранил от обычных выходов, запер на женской половине и разрешил к ней доступ не иначе, как с позволения начальника стражи, который предварительно должен был выяснить, кто, откуда и с какой целью идёт к императрице.

Особенно усердствовали многочисленные родственники Михаила, получившие из его рук и богатство, и власть, и, особенно, ударявшее в голову осознание своей полной безнаказанности, — как говорится, «из грязи да в князи». Они не упускали случая лишний раз унизить впавшую в немилость императрицу, показать, кто теперь в доме хозяин.

Зоя отдаёт приказ отравить Иоанна.

А что же Зоя?.. Легко можно представить себе, какие чувства негодования и возмущения захлёстывали «багрянородную Зою», с детства ведь привыкшую только повелевать. Но вот что поразительно: внешне эти её чувства никак не проявлялись: она никому и ни на что не жаловалась, не устраивала своему молодому супругу семейных сцен (впрочем, он вообще избегал встречаться с нею), не пылала праведным гневом, а вместо всего этого была образцом кротости и смирения…

Конечно, и кротость её, и смирение были лишь напускными, и недаром же, как замечает Пселл, родственники царя ***«очень опасались её, как львицы, которая лишь на время перестала яриться»***. Известен, по крайней мере, один такой случай, когда Зоя организовала заговор с целью отравить влиятельного брата своего супруга, по имени Иоанн, — правда, затея эта потерпела полную неудачу из-за предательства слуги, после чего строгости в отношении императрицы были ещё более усилены.

Ирония судьбы заключается в том, что Зоя, скорее всего, была последним человеком, кого Михаил должен был бы опасаться. Ей

в тот год исполнилось уже 59, её супруг был более чем вдвое моложе её, и самое главное — он, по-видимому был её последней любовью. Она жалела его и вполне понимала его страхи, хоть и ничего не могла с ними поделать. Да и сама Зоя, вполне вероятно, испытывала определённые угрызения совести, вспоминая убитого ими обоими Романа, своего первого мужа. И её негодование, возмущение и праведный гнев были направлены вовсе не на Михаила лично, а лишь на его многочисленных беспардонных родственников. Очевидно, такой взгляд на родственников императора разделяли при дворе многие; так, Пселл, выражая уже своё мнение по поводу Михаила, прямо пишет:

> Скажу об этом муже следующее: если бы не братцы, с которыми его связала злая судьба (отчего и не мог он ни искоренить весь род, ни — из-за нескладных их характеров — обратить к добру), с ним не мог бы поспорить ни один из прославленных императоров.

«Злая судьба» накрепко связала Михаила с его родственниками-нуворишами, которых более заботило собственное быстрое обогащение, нежели долговременные интересы государства. И потому страхи молодого императора, иной раз походившие на паранойю, вовсе не были такими уж беспочвенными. Во всяком случае, всё его царствование отмечено чередой измен, восстаний и мятежей, с трудом подавляемых и вновь и вновь происходивших.

Михаила трудно упрекнуть в том, что он не старался, насколько мог, соответствовать своему положению императора — он возглавлял военные походы, бросался, как говорится, направо и налево, затыкал тут и там возникавшие дыры. Но тень убитого Романа постоянно нависала над ним, преследовала его, он всё происходившее с ним воспринимал, вероятно, как небесную кару за совершённые им преступления, тем более что кара эта не заставила себя долго ждать — нежданно-негаданно на него свалилась тяжёлая болезнь, водянка, стремительно уничтожавшая его изнутри…

Описывая состояние и душевные муки Михаила, Пселл чаще других использует слово «стыд». И ещё неизвестно, что более уничтожало Михаила изнутри — то ли водянка, доставлявшая ему физические страдания, то ли этот самый «стыд», приносивший душевные муки. Так, говоря о причинах странного и возникшего будто бы внезапно его нежелания вообще видеться с Зоей, Пселл пишет буквально следующее:

…Во-первых, он не мог вступать с ней в супружеские отношения, так как вышла наружу подтачивавшая его болезнь. <…>

Во-вторых, он горел от стыда и не мог взглянуть в глаза императрице, понимая, что предал её, нарушил клятву и пренебрёг соглашением.

В-третьих, побеседовав с божественными мужами о том, что он совершил ради власти, <…> он отказался от всякой распущенности, в том числе и от законных сношений с супругой…

Кроме того, как мы помним, Михаил ещё и до женитьбы страдал эпилепсией, а теперь приступы стали случаться с ним всё чаще и чаще, и Пселл добавляет:

Во время припадков он почти никого не стыдился, но очень стеснялся императрицы, а поскольку недуг посещал его совершенно неожиданно, он старался держаться от неё подальше, чтобы в этом состоянии не оказаться у неё на глазах и не стыдиться…

От этого его «стыда», когда представляется невозможным даже и глазами встретиться с той, которая знает о всех его грехах, — от этого «стыда», разъедавшего его душу, Михаил не мог ни спрятаться за крепкими стенами дворца, ни убежать. В поисках какого-то облегчения он обращается за помощью к «божественным мужам», жертвует огромные деньги на монастыри и храмы, повсюду разыскивает святых старцев и отшельников и тех, кого он считал более близкими к Богу и менее грешными, нежели он сам:

…А найдя и доставив во дворец, какие только почести им не оказывал: омывал запылённые ноги, <…> надевал на себя их рубище, укладывал подвижников на царскую постель, а сам растягивался на низком ложе, подложив себе под голову большой камень…

Более того, в то время как все стремятся избежать общения с больными и увечными, он, посещая таких людей, припадал щекой к их язвам, обнимал и целовал их тела и служил им, как раб господину…

Михаилу в то время не исполнилось ещё и 30. Он едва-едва вышел из юношеского возраста, этот наивный и стеснительный провинциал, волею судеб ставший хозяином Империи. И вот, достигнув немыслимых высот, он метался, словно загнанный

зверь, в поисках хоть какого-нибудь спасения от раздиравших его душевных мук. Иной раз эти его попытки спасения невольно заставляют улыбнуться:

> Город в то время был наводнён множеством продажных женщин; император не пытался наставить их на истинный путь словом <…> и не пробовал удержать силой, <…> но соорудил в самом царственном городе монастырь <…> и объявил указом всем женщинам, торгующим своими прелестями, следующее: если кто из них пожелает оставить своё ремесло и жить в изобилии, пусть поспешит туда, облачится в божественное платье и не опасается скудной жизни. <…> И огромная толпа обитательниц чердаков стеклась туда, женщины сменили одежду и нрав и стали юным воинством Божьим на службе добродетели.

Между тем прогрессировала и более понятная и очевидная для окружающих болезнь Михаила: водянка, все эти его ***«пальцы, как у гиганта, — каждый толщиной и величиной с руку»***, и так далее. Понятным и очевидным для окружающих становилось также и то, что дни императора сочтены. Не думавшие ранее о том, что подобное вообще может когда-нибудь случиться, родственники Михаила стали срочно искать ему подходящую (прежде всего им самим) замену.

В принципе, наследовать Михаилу мог бы кто-нибудь из его братьев. Но вот беда: в живых к тому времени оставалось у него только три брата, но все они, как назло, были евнухами, что напрочь исключало возможность их императорства. И вот известному уже нам брату Иоанну пришёл в голову хитроумный план — после близкой уже смерти Михаила власть нужно передать их племяннику, по имени тоже Михаилу, сыну их родной сестры.

Да, но как же осуществить этот план?.. Как осуществить будущую передачу императорской власти человеку опять же невысокого происхождения, чей отец был известен тем, что конопатил в гавани днища кораблей?.. Опять через Зою?.. Да, конечно, ради любимого мужа 62-летняя Зоя способна сделать многое, но не просить же её отдаться 25-летнему племяннику мужа, чтобы потом, после смерти Михаила, взять этого самого племянника-конопатчика в законные мужья?..

Брат Иоанн, которого Зоя безуспешно пыталась когда-то отравить, нашёл блестящий выход из, казалось бы, безвыходного положения: да Бог с ним, с законным браком, но пусть Зоя хотя бы усыновит нашего Михаила-племянника, а там уж видно

будет!.. Возведём его в достоинство кесаря-наследника, второго человека в государстве, — комар носа не подточит. Усыновить-то племянника она уж тебе не откажет?..

Уж Михаил-то прекрасно знал, что Зоя ему не откажет… И всё произошло стремительно: багрянородная императрица провозгласила племянника любимого мужа своим сыном, император же, в свою очередь, возвёл новоиспечённого сына царицы в сан кесаря. Совершив всё это, в своём дальнейшем отношении к сотворённому таким образом «кесарю» Михаил перестал руководствоваться какой-либо внешней логикой: он попросту перестал замечать племянника, не оказывал ему абсолютно никаких знаков внимания и, как пишет Пселл, *«только что не лишал его титула»*. А вскоре кесарь-племянник так и вообще был вынужден покинуть столицу…

Когда продолжать борьбу и с болезнью, и с самим собой стало для императора Михаила уже невыносимо, император добровольно расстался с земной властью, а Михаил — Михаил решил уйти туда, где умирать ему было бы легче. В монастырь, им самим же и основанный.

> Вымолив таким образом милость и благосклонность божества, он отдал себя в руки жрецов и воспреемников его добровольно принесённой и благосклонно принятой жертвы. А те, став от него по обе стороны, пропели всевышнему молитвы, предваряющие жертву, совлекли с Михаила царские пурпурные одеяния и надели священный плащ Христа, сняли покров с его головы и возложили венец Спасителя, а затем, осенив крестом его грудь и спину и опоясав его мужеством против духов зла, удалились. И случилось это всё по его воле и желанию.

Недавнему молодому красавцу, а теперь уже измученному душевными муками и смертельной болезнью человеку, исполнился тогда всего лишь 31 год…

Постриг и смерть императора Михаила (фрагмент средневековой рукописи).

Михаил с громадным облегчением уходил от измучившего его за семь лет «стыда» за когда-то совершённое им преступление. Всё ещё любившей его жене Зое, которая все эти годы вроде бы совместной их жизни, постоянно находясь рядом с ним, прожила без него, Михаил о своём решении прекратить борьбу ничего не сказал. Но она всё равно узнала.

> …Императрица не совладала с горем и, узнав от кого-то о случившемся, решилась покинуть женскую половину и, пересилив свою природу, пешком отправилась к мужу. А он, то ли стыдясь всего доставленного ей зла, то ли памятуя о Боге, а о жене забыв, даже не пустил её к себе.

В тот же декабрьский день 1041 года Михаил скончался. Перед смертью он захотел ещё раз помолиться, но вместо простых монашеских сандалий обнаружил лишь свою прежнюю, царскую обувь. Что ж… на свою последнюю молитву он отправился босой…

В тот же самый декабрьский день заблаговременно вернувшийся в столицу кесарь-племянник был объявлен новым императором Михаилом V.

«Этот странный муж»

Несостоявшееся последнее свидание с мужем Михаилом, вероятно, произвело на Зою очень сильное впечатление, а с его смертью в ней и вообще словно бы что-то надломилось. И куда только подевалась та прежняя багрянородная Зоя — властолюбивая, деятельная, неустанная в дворцовых интригах, жизнелюбивая, падкая на внимание мужчин!.. Быть может, всему причиной был её возраст — ведь Зое исполнилось уже 63 года. Или, быть может, причину надо искать не только в возрасте…

Во всяком случае, в таком её состоянии хорошо нам знакомому Иоанну, брату покойного императора Михаила, было нетрудно уговорить её легитимно вручить императорскую власть опрометчиво усыновлённому ею «кесарю», племяннику и её покойного мужа, и самого Иоанна.

Дав своему бывшему деверю уговорить себя, Зоя совершила крупную ошибку, что, впрочем, не очень-то и удивительно, учитывая её состояние в тот мрачный декабрьский день 1041 года. Гораздо удивительнее то, что, уговорив Зою, роковую ошибку совершил тогда и многоопытный Иоанн — по сути ведь, бессменный «первый министр» и при Романе, и при Михаиле.

Зоя передаёт власть Михаилу-племяннику (миниатюра сильно попорчена, будто специально, но другой всё равно нет).

Проталкивая в императоры племянника, Иоанн, конечно, надеялся упрочить собственное высокое положение и заодно

обеспечить будущее всех своих многочисленных (и, как мы знаем, ненасытных) родственников. И уговорив Зою, он не учёл лишь одного: более всего на свете нового императора — а тому исполнилось всего лишь 26 лет — заботила власть, безраздельная власть, власть сама по себе. Лишь одну её любил он всеми фибрами души и к ней одной лишь ревновал. Всё остальное не значило для него ровным счётом ничего: ни родственные чувства, ни простая человеческая признательность, ни даже даже самая заурядная моральная брезгливость.

Хорошо знавший нового императора, Пселл по отношению к нему беспощаден:

> Если ему не везло, он вёл себя и разговаривал по-рабски малодушно и проявлял всю низменность натуры, но стоило удаче хоть на миг ему улыбнуться, как он немедленно прекращал лицедейство, сбрасывал притворную маску, переполнялся ненавистью и одни из своих злых замыслов приводил в исполнение тотчас, другие приберегал на будущее…

Получив благодаря усилиям дяди Иоанна самодержавную власть, племянник-император прежде всего о нём и позаботился. Бессменный первый министр был отстранён от дел, удалён из столицы, отправлен вначале в монастырь, а затем — в ссылку, на остров Лесбос.

Разделавшись таким образом с могущественным дядей Иоанном, царственный племянник, как говорится, вошёл во вкус и обратил взоры на других своих родственников, рангом пониже:

> Император изгнанием <Иоанна> как бы потряс основание рода, а потом принялся искоренять его целиком, и всех родственников — а в большинстве случаев были это бородатые мужи во цвете лет и отцы семейств, занимавшие высшие должности, — лишил детородных членов и в таком виде, полумёртвых, оставил доживать жизнь…

Может создаться впечатление, что Иоанну ещё повезло, но это впечатление, увы, обманчиво: всего через год он, по доброй византийской традиции, будет ослеплён, а затем и убит (впрочем, это совсем другая история, в которой племянник участия уже не принимал)…

Золотая монета с изображением Михаила V (на монете он справа; всё сильно увеличено).

Из всех братьев покойного императора Михаила репрессий со стороны племянника избежал лишь один: его новый император даже значительно возвысил, сделав, взамен Иоанна, своей правой рукой и прибавив к этому весьма почётный титул новелиссима (по значимости — второй после титула кесаря).

Но ни этот его дядя-новелиссим, ни другие обласканные им царедворцы, ни его личная охрана, составленная из «скифских юношей», ни кто-либо ещё — во всей доставшейся ему громадной империи никто не мог быть уверен в том, что, например, уже завтра по прихоти императора его не постигнет участь того, кто ещё вчера был насильно пострижен в монахи, сослан, ослеплен, кастрирован или даже убит…

Примеров подобного правления в истории, в общем, предостаточно. И ладно бы это делалось ради некоей высшей цели, ради грядущего счастья народного или, там, прорубания куда-нибудь окон, что сулило бы, в конечном счёте, немалую выгоду всем. Отнюдь.

> Взвалив на себя бремя единодержавной власти, этот странный муж никаких разумных мер для государства не придумал, но сразу стал своевольно всё переставлять и

перетасовывать…

Подобный способ правления Аристотель, как известно, называл тиранией: ***«Тирания — монархическая власть, имеющая в виду выгоды одного правителя»***. Император Михаил V, «этот странный муж», оказался обычным тираном-временщиком. И горе было тому, кто встал бы тогда у него на пути.

…Прошло всего четыре месяца с того декабрьского дня, когда Иоанн не без труда уговорил безутешную Зою передать власть племяннику Михаилу. Прошло четыре месяца, и вот теперь, вслед за Иоанном, наступил черёд багрянородной Зои.

В ночь с 18 на 19 апреля 1042 года подручные самодержца силой вывезли Зою из столицы на один из близлежащих островов и постригли там в монахини. Её обвинили в заговоре против императора, и оставалось только гадать, что уготовил ей приёмный сын уже с рассветом.

…Всего четыре месяца назад она собственноручно возвела молодого человека в царское достоинство. Тёзка, племянник и почти ровесник её покойного мужа, он упивался этой своей властью уже четыре невероятно долгих месяца — и никто в столице не мог и предположить, что царствовать ему оставалось теперь всего лишь три коротких дня.

Революция достоинства

Удалив под надуманными предлогами багрянородную Зою, Михаил-племянник, говоря попросту, зарвался. Его влиятельным врагам (а таких у тиранов всегда ведь хватает) спать в ту ночь, должно быть, не пришлось: времени у них было в обрез, а подготовить всё надо было непременно к обнародованию официальных итогов… простите — царского указа о низложении Зои. Так что в ту бессонную ночь, должно быть, и гонцы сновали туда-сюда, и золото звенело, и вещи паковались, и роли расписывались. Ведь всякая революция достоинства лишь тогда чего-нибудь стоит, когда она хорошо подготовлена…

К счастью, всё получилось как нельзя лучше. Когда на следующий день утром столичный градоначальник зачитал на площади ожидаемый царский указ, среди общего молчания раздался вдруг из толпы чей-то клич: «Не хотим царём Конопатчика, а хотим матушку нашу Зою!». Толпа немного подумала — и взорвалась криками: «Долой! Намнём бока Конопатчику!». Несчастному градоначальнику (понятно, ставленнику императора) еле-еле удалось тогда спастись бегством…

Что ж, бессонная ночь давала свои плоды. Весь город вспомнил вдруг о своём достоинстве и сразу пришёл в движение. Женщины и дети высыпали на улицы. Пселл пишет:

> Я сам видел, как многие из тех, кто до того никогда не покидал женских покоев, бежали по улицам, кричали, били себя в грудь и горестно оплакивали страдания царицы…

Когда не осталось уже слёз для оплакивания страданий матушки Зои, народ вспомнил о том неслыханном богатстве, которое преступным путём присвоили себе насквозь коррумпированные царские родственники. Единодушно было решено вернуть себе всё «нажитое на слезах и страданиях бедняков».

> Немедля приступив к делу, толпа разом бросилась на приступ, и дома <родственников царя> рухнули… Разрушили же большинство зданий не руки цветущих и зрелых мужчин, а девицы и всякая детвора обоего пола, утварь же получал тот, кто первый схватит…

Возникает законный вопрос: а что же делали те «цветущие и зрелые мужчины», пока девицы и детвора экспроприировали экспроприаторов?. Неужто отсиживались по углам?..

Мужчины не отсиживались. Одни — «простой народ», по выражению Пселла — носились «беспорядочной толпой с большими камнями за пазухой или в руках» и, ясное дело, помогали своим женщинам в их стремлении к социальной справедливости. Другие же — народ, очевидно, не такой уж и «простой» — вооружались и, как говорится, строились в боевые колонны:

> Вооружены были все. Одни сжимали в руках секиры, другие потрясали тяжёлыми железными топорами, третьи несли луки и копья. <…> Народ построился по отрядам и составил значительное войско.

Очевидно, что тот самый «непростой народ», по Пселлу, состоял из вполне обученных, профессиональных воинов (среди которых наверняка были и иностранные наёмники: секиры ведь были отличительным оружием «скифов», а тяжёлыми железными топорами, как известно, превосходно владели «варяги» — между прочим, и то и другое было ведь очень недешёвым и сложным в обращении оружием, «простому народу» совершенно недоступным).

> …Весь народ взбунтовался против царя и, как по мановению чьей-то руки, объединился в одном желании. Всё происходящее казалось тогда многим чем-то неожиданным и невероятным, но благодаря виденному и слышанному мною ранее я понял, что искра разгорелась костром…

«Как по мановению чьей-то руки»… Да уж. Бессонная ночь явно не прошла даром…

Короче говоря, как и во всякой подобной революции, — слава Богу, у нас ведь и у самих есть какой-никакой опыт — пока «простой народ», вдруг и сразу почувствовавший своё достоинство, активно занимался какими-то своими делами и попутно создавал бурный революционный фон, народ «непростой» решал параллельно свои собственные, специфические задачи.

В качестве штаб-квартиры руководители революции избрали Софийский собор. Кто они были, эти люди? Трудно сказать наверняка, но один из них нам известен совершенно точно — это константинопольский патриарх Алексий, незадолго перед тем

смещённый императором и отправленный им было в монастырь. Опальный патриарх вернулся в столицу в середине дня и сразу же, немедленно, потребовал низложения императора. Во весь рост перед руководителями встал вопрос: а как это сделать? В смысле — сделать более или менее легально?

Все уже привыкли к тому, что вся легальность в этой стране исходила от Зои: благодаря ей власть получали уже три императора подряд. Но вот незадача: хотя царский дворец был осаждён и весь город фактически уже контролировали революционеры, однако сама Зоя была для них, к сожалению, недосягаема — уж об этом-то царь-узурпатор позаботился прежде всего.

По приказу сестры Феодору постригли в монахини. С тех пор прошло 12 лет.

И тут кто-то — быть может, сам патриарх Алексий: на своём посту он помнил даже не трёх, а пять императоров подряд, начиная с Болгаробойцы — и тут кто-то стукнул себя по лбу: да ведь у Зои же есть родная сестра Феодора, пусть и младшая, но ведь не менее же багрянородная!

Когда-то, давным-давно, ещё в начале царствования Романа, первого мужа, коварная Зоя отправила сестру в монастырь, где ту быстренько постригли в монахини (этот печальный для Феодоры эпизод её жизни показан на миниатюре справа). И если «достойный муж» Роман ещё и относился к Феодоре с тем уважением, которого она по происхождению своему заслуживала, то «стыдливый муж» Михаил уже с трудом представлял себе, кто такая Феодора, а теперешний император-конопатчик так и вообще не имел о ней никакого понятия, что для руководителей революции достоинства оборачивалось самой настоящей удачей.

Руководители, как мы знаем, времени даром не теряли. Они распорядились немедленно найти Феодору и любой ценой доставить её в Софийский собор — штаб-квартиру революции. Дело поручили хорошо вооружённому отряду.

Когда Феодора уяснила, чего всё-таки хотят от неё все эти очень шумные люди «во главе с полководцем», она им решительно отказала и даже попыталась было укрыться от них в божьем храме. Блестящий план руководителей революции рушился буквально на глазах. И тогда вооружённые люди, на руках у которых был ведь совершенно определённый и строгий приказ, «обнажили кинжалы» и силой выволокли багрянородную Феодору из церкви. Как говорится, картина маслом: после этого Феодору «облачили в царские одеяния, усадили на коня и, окружив со всех сторон, доставили в великий храм Божьей мудрости» — другими словами, в Софийский собор.

Уже на следующий день патриарх Алексий венчал Феодору на царство. Теперь у революции было своё легальное знамя, и оставалось только уладить вопрос с бывшим императором…

Император же, осаждённый в своём дворце, никак не хотел становиться бывшим и продолжал сопротивляться изо всех сил. Не хотел сдаваться и его дядя-новелиссим: когда в городе начались погромы, он со своими людьми сумел прорваться к царскому дворцу, и теперь они были там вместе — племянник и дядя. А в рукаве у них ещё оставался последний козырной туз, вернее, козырная дама. И вот примерно тогда же, когда одни вооружённые люди доставили в Софийский собор Феодору, другие вооружённые люди доставили в царский дворец её сестру Зою.

Наскоро переговорив с нею и взяв с неё обещание сохранять благожелательный нейтралитет, император вывел Зою — в чём была — на высокий балкон и продемонстрировал её собравшейся внизу толпе: вот-де она, ваша «матушка Зоя» — жива и здорова, чего и вам желает…

Надеясь подобным образом утихомирить разбушевавшийся не на шутку «простой народ», император проявил полное непонимание того, что происходило вокруг. Не для того Софийский собор затевал всю эту революцию, чтобы вот так просто, одним махом, вернуть ситуацию на исходные позиции. И пути назад ни для кого из них уже не было.

Бои за царский дворец после этого только усилились. Ряды защитников дворца таяли, и вскоре тем, кто был внутри, стало очевидно, что дворец им не удержать. И ведь не удержали: считанные часы спустя царский дворец был взят (и, как водится в таких случаях, разграблен). А племяннику-императору и его дяде-новелиссиму удалось выбраться и морем переправиться в близлежащий монастырь, в котором они надеялись теперь уже просто найти защиту…

Современные развалины того самого монастыря, где нашли укрытие свергнутый революцией император и его дядя.

Итак, император оставил свой высокий пост и бежал. Революция одержала полную победу:

> Об этом стало известно в городе, и сразу облегчённо вздохнули все, чьи души до того были полны страха и робости. Одни стали приносить благодарение Богу за

избавление, другие славить царицу, а простой и рыночный народ принялся водить хороводы и распевать о событиях, на ходу сочиняя песни…

Быть может, дальнейшая участь свергнутого императора была бы не столь печальной, укройся он не где-то в монастыре, под Божьим покровительством, — всего-то час пешего хода от дворца, а, скажем, где-нибудь на Руси, под покровительством правившего там Ярослава Мудрого.

Но тысячу лет назад самолётов ещё не было, и участь незадачливого царя была предрешена…

Без труда преодолев расстояние в час пешего хода, огромная толпа окружила монастырский храм, в алтаре которого, крепко ухватившись руками за священный престол, стояли племянник и его дядя, ещё недавно всесильные, а теперь подавленные и жалкие.

«Простой народ» кипел от ярости и жаждал крови, но дирижёры этого оркестра находились всё-таки в Софийском соборе. Ближе к вечеру, с отрядом воинов, к храму прибыл новый градоначальник, назначенный уже от имени Феодоры. И вновь предоставим слово Михаилу Пселлу, который находился там и был свидетелем всего происходившего:

> Приблизившись к алтарю, где они <племянник и дядя> укрывались, этот человек решительным тоном приказал им выйти. <…> Они отказались покинуть алтарь и ещё крепче ухватились за колонки, на которых покоится священный престол. <…>
>
> Не убедив их словами, он прибегнул к силе. По его приказу из толпы протянулись руки, и пошло твориться беззаконие. Будто дикие звери, погнали они их из святилища, а царь и новелиссим, испуская горестные вопли, устремляли свои взоры к святому сонму, умоляя не обмануть их надежд и не позволить безжалостно изгнать из алтаря тех, кто ищет защиты у Бога. <…> Но ничто уже не могло помочь несчастным — обстоятельства были против них…

«Обстоятельства», на которые намекает здесь Пселл, были очень простые. В Софийском соборе помнили, с какой ненавистью, по крайней мере раньше, относилась Зоя к своей сестре, и не хотели давать ей ни единого шанса оттеснить их ставленницу Феодору, сохранив у власти, пусть и номинально, прежнего царя. Мнения руководителей разделились. Одни жаждали для Конопатчика смерти, другим же это казалось мерой

слишком жестокой. Верх взяла точка зрения гуманистов. Было решено оставить царю жизнь, но — по старой доброй традиции — лишить его глаз. Дядя же новелиссим, хочешь не хочешь, должен был разделить судьбу племянника…

Принятое от имени Феодоры решение было немедленно исполнено (фрагмент миниатюры из средневековой рукописи).

Когда посланные Софийским собором палачи сообщили им о приговоре и «принялись точить железо», дядя быстро взял себя в руки и мужественно, первым, перенёс свою экзекуцию.

> Царь же, по чужим страданиям наперёд представляя свои собственные, переполнился его болью, размахивал руками, бил себя по лицу и жалобно мычал. <…> Палач, видя, как тот боится и как без конца взывает к состраданию, связал его потуже и схватил покрепче, чтобы не разворотить ему лицо во время наказания…

Вдоволь насладившись процессом ослепления ненавистных тиранов, толпа потеряла к ним всякий интерес и быстро разошлась по домам. На этом наиболее зрелищная часть революции достоинства завершилась. Всё дальнейшее уже не требовало участия «простого народа».

Царствование потерявшего глаза императора продолжалось всего лишь четыре месяца. А ещё четыре месяца спустя бывший император, в возрасте 27 лет, скончался.

Кастинг на букву «К»

А «всё дальнейшее», не требовавшее участия «простого народа», сводилось вот к чему. Революция, и это понятно, разворошила привычный, складывавшийся десятилетиями уклад жизни византийского истеблишмента и, выведя за скобки явных сторонников свергнутого императора, поделила остальных на два лагеря — на более умеренных и более радикальных. Первые группировались вокруг Зои, партия же вторых сложилась уже в ходе восстания и своим символом — как это получилось, мы видели — избрала Феодору.

Выйдя из одного кризиса, революция породила другой, и открытая неприязнь сестёр друг к другу лишь отражала скрытую неприязнь двух партий и вполне могла привести к столкновению между ними. Чтобы зафиксировать новые, послереволюционные реалии и вернуться к понятной для всех системе сдержек и противовесов, ни одна из сестёр — точнее говоря, ни одна из партий — не должна была одержать верх над другой. Требовалась некая третья, нейтральная сила, некая компромиссная фигура, которая в качестве самодержца могла бы удовлетворить всех.

Такого самодержца решено было «ввести в должность» привычным путём: в качестве мужа одной из сестёр (одной — это чисто технически; при дворе, должно быть, сокрушались насчёт того, что тот муж не мог стать мужем сразу обеих). Поскольку 58-летняя Феодора в очередной раз и наотрез отказалась выходить замуж, то, делать нечего, женой «государственной важности мужа» снова должна была стать 64-летняя Зоя. Но чтобы сохранить определённый баланс сил, договорились, что Феодора, наряду с Зоей, и при новом самодержце останется императрицей.

Консультации и поиски кандидата на должность «государственного мужа» начались сразу же и продолжались примерно в течение одного месяца или чуть больше. Всё это время Зоя и Феодора — конечно же, чисто формально — правили совместно: то есть, совместно восседали на царском троне, совместно принимали послов и так далее.

> Речи держали большей частью должностные лица <ну кто бы сомневался!.. — *В. А.*>, но при необходимости и сами царицы спокойным голосом отдавали приказания или отвечали на вопросы, иногда следуя наставлениям сведущих людей, иногда по собственному разумению.

Вообще говоря, особо тянуть с поисками было нельзя: государственная казна могла просто не выдержать послереволюционного наплыва жаждущих награды героев:

> …Многие люди неожиданно, как на сцене, вознеслись ввысь, и раздачи <из казны> производились бóльшие, чем когда-либо…

Подбор кандидатур происходил, вероятно, следующим образом: Зоя припоминала тех людей, которые когда-то были ей чем-либо симпатичны, затем кандидатура обсуждалась, всесторонне взвешивалась и либо отвергалась по тем или иным причинам, либо принималась, после чего следовали дальнейшие действия. При этом надо иметь в виду, что, собственно, Зое, в её годы, было уже абсолютно всё равно, кто станет её очередным, третьим по счёту, мужем: как говорится, ничего личного, только бизнес.

Первым Зоя припомнила некоего военачальника Константина, происходившего из знатного армянского рода Далассинов. Припомнила потому, что ещё её отец, подыскивая ей первого мужа, склонялся к этой кандидатуре, но что-то тогда не сложилось, и её мужем, «достойным мужем», стал тогда несчастный Роман…

Константина пригласили «на ковёр», где он неожиданно и совершенно неуместно изложил слишком уж независимую программу своих действий в качестве будущего императора.

> …Он <…>, с достоинством рассуждал о царской власти и ничем не хотел поступиться в своих благородных убеждениях. Поэтому многим он показался человеком неприятным, с тяжёлым характером, вызвал к себе недоверие и не оправдал ожиданий.

«Многим показался»… Нет, такой муж нам не нужен!.. Для компромиссной фигуры этот Константин явно был недостаточно ***слаб***…

Следующий претендент, по странному совпадению, также носил имя Константин. Когда-то, будучи чем-то вроде секретаря при её первом муже, этот второй Константин запомнился Зое своими обходительными манерами. Злые языки утверждали даже, что отношения между ними зашли в те годы слишком далеко. Так оно было или нет, но второй муж Зои, покойный Михаил, посчитал его соперником и под благовидным предлогом отослал подальше от столицы…

И этот Константин, как и первый, тоже был приглашён на

собеседование. В ходе его быстро выяснилось, что за прошедшие годы он вовсе не утратил навыков обходительного обращения, оказался человеком приятным во всех отношениях и, по общему мнению, удовлетворял всем требованиям, предъявляемым к компромиссной фигуре.

Но тут возникло неожиданное, но очень серьёзное препятствие — оказалось, что у второго Константина уже есть своя собственная законная супруга.

Легко можно себе представить, как при этом известии вытянулись лица уважаемых членов жюри: «Ах, какой пассаж!.. Какой реприманд неожиданный!.. Вот когда зарезал, так зарезал!..» Впрочем, кандидатуру второго Константина решили с конкурса пока что не снимать, а лишь отложить в сторону. Зое же тем временем надлежало снова напрячь память. (Забегая вперёд: окончательно сняла эту кандидатуру супруга второго Константина. Видимо, и она тоже кое-что помнила. Например, помнила судьбу законной жены Романа, да и его собственную печальную судьбу в качестве первого мужа ведь той же самой Зои… Придя, видимо, в отчаяние от своих воспоминаний, законная супруга Константина решила вопрос радикально: второй Константин был ею попросту отравлен. Нет человека — нет проблем.)

Зоя же тем временем вновь напрягла память и припомнила — да-да-да! — ещё одного Константина, уже третьего по счёту. Третий Константин происходил тоже из знатного и тоже из армянского рода Мономахов — между прочим, Мономахи были выходцами из тех же мест, что и Далассины. Почему, спрашивается, Зоя припомнила этого Константина? Ну, почему, почему… Известно почему. В своё время, опять же при Романе, «достойном муже» Зои, этот третий Константин постоянно находился при дворе, поскольку был женат на племяннице императора Романа и пользовался его благосклонностью. А припомнила Зоя его потому, что параллельно он пользовался и её весьма недвусмысленной благосклонностью. Для Романа, как мы помним, амурные похождения его жены Зои не имели особого значения, но вот второй её муж, Михаил, подзуживаемый многоопытным братом Иоанном, на всякий случай отослал Константина куда подальше — на остров Лесбос. В ссылке, никому не нужный, он и прожил все последние годы…

Что же, господа, получается? Человек неплохой фамилии, ни в каких интригах не замеченный, ни к какой из двух партий не примыкающий, в революции не участвовавший, какого-либо управленческого опыта не имеющий, напрочь лишённый каких-либо узурпаторских амбиций, не молодой и не старый — 42-

летний, не хромой и не припадочный, явный жизнелюб, краснобай и дамский угодник, двоих жён схоронил и открыто живёт на этом самом Лесбосе с молодой любовницей — идеальный же кандидат получается, господа!.. Никаких больше собеседований и фотопроб — это же именно тот, кто нам нужен!.. Буквально же всех устраивает!..

> Синклитики <высший совет знати, сенаторы — *В. А.*> тоже сочли, что это решение от Бога, и Константин был вызван из ссылки.

Встречу «государственному жениху» Константину подготовили столь торжественную, словно бы речь шла о каком-то военном триумфе. «Простой народ» ликовал и выкрикивал славословия. Непосредственно перед входом во дворец организаторы мероприятия запланировали эффектную паузу, Константина соответствующим образом переодели, а затем пропустили дальше.

Триумфальное возвращение Константина Мономаха из ссылки: с корабля да прямо на свадьбу.

И для 64-летней Зои, и для 42-летнего Константина это был уже третий брак. Императрица Зоя в специальном манифесте объяснила «простому народу», что лично она считает подобный брак делом недостойным, но в интересах мира и спокойствия в государстве — готова пожертвовать собой. Патриарх Алексий, входивший в «партию Феодоры», демонстративно не захотел поступаться принципами и от участия в процессе венчания уклонился. Впрочем, это не помешало ему по окончании церемонии столь же демонстративно обнять молодожёнов, а на следующий день лично возвести Константина Мономаха в

царское достоинство.

В июне 1042 года Византия, в добавление к двум императрицам, получила, наконец, своего императора. Негативные последствия «революции достоинства» были окончательно преодолены.

Государственный муж

Выбор Константина Мономаха на роль своеобразного буфера между двумя багрянородными сёстрами оказался чрезвычайно удачным: он прекрасно понимал истинные причины своего внезапного возвышения, не строил никаких иллюзий насчёт своих возможностей и до самого конца с подчёркнутым уважением и ровно относился к обеим царицам. У «простого народа» вполне могло создаться впечатление, что им правит некое триединое существо, явно помазанное свыше, — с длинным именем Константин-Зоя-Феодора. На самом деле не правил никто из них.

> Он <Константин — *В. А.*> передал другим попечение о казне, право суда и заботы о войске, лишь малую толику дел взял на себя, а своим законным жребием счёл жизнь, полную удовольствий и радостей. <…> В значительной мере способствовал такой его неумеренности и безмерно легкомысленный нрав императриц, удовольствия и развлечения которых пришлись Константину по душе. Участие в их забавах он именовал службой…

Реально страной правила многоопытная бюрократия, а роль триединого существа сводилась к тому, чтобы пить-есть-гулять и не особенно путаться под ногами…

Торжественный момент: бессменный легитимизатор Зоя и её третий законный муж Константин Мономах.

От внимательного читателя, должно быть, не ускользнула

фраза, промелькнувшая во время кастинга среди прочих характеристик Константина-претендента: «Двоих жён схоронил и открыто живёт на этом самом Лесбосе с молодой любовницей». Это что ещё за любовница?.. И куда она потом делась?.. И как на всё на это посмотрит его багрянородная супруга?.. Не угрожает ли это хрупкому согласию в молодой семье венценосцев?..

Истоки этой по-своему трогательной истории, ярко рисующей нравы при дворе «триединого существа», теряются где-то во временах первого мужа Зои. Константин, тогда ещё на десяток лет моложе, был женат вторым браком на представительнице очень известного аристократического рода Склиров, и после её неожиданной смерти довольно быстро нашёл ей замену:

> Он склонил к незаконному сожительству племянницу покойной, красивую и вообще-то целомудренную девушку; не знаю, то ли он соблазнил её подарками, то ли обольстил любовными речами, то ли воспользовался какими-то иными средствами.

(Заинтриговал Пселл: о каких «иных средствах» он здесь говорит?..) Целомудренная девушка по имени Мария — Мария Склирена — влюбилась в Константина не на шутку, да и он тоже… не остался равнодушным. Когда император Михаил, второй муж Зои, отправил Константина на остров Лесбос, Мария без колебаний последовала за любимым человеком и, как пишет Пселл, «отдала ему всё, чем владела». Так они и жили там все долгие годы его изгнания — вместе.

Император Константин Мономах. Софийский собор (фрагмент мозаики)

А потом последовали его оглушительная победа в конкурсе женихов, вызов в столицу, триумфальная встреча на высшем государственном уровне, громкий брак с самой завидной невестой Империи и, наконец, его буквально вознесение на немыслимые карьерные высоты.

Теперь настал черёд уже Константина демонстрировать чудеса преданности. И едва ли не первое, что он сделал, оставшись со своей новой женой наедине, — рассказал Зое о Склирене, яркими красками обрисовал её происхождение и перенесённые ею беды и… попросил жену обойтись с Марией поласковее.

Словно бы в ответ на все чудеса преданности законная супруга Константина явила истинные чудеса великодушия. Зоя написала Марии письмо с предложением прибыть в столицу и с обещанием оказать ей благосклонный приём… Мария, в свою очередь, благосклонно приняла любезное приглашение и в сопровождении почётного эскорта прибыла куда сказали. Не всё сразу: вначале ей предоставили довольно скромное жилище, но оно находилось в таком чудесном месте, что император загорелся желанием — превратить то жилище в царские палаты, для чего

немедленно начать там соответствующие строительные работы. Главным прорабом Константин назначил самого себя. При этом он показал себя настоящим трудоголиком и приезжал на стройплощадку по нескольку раз в день, всякий раз накрывая для сопровождающих его лиц роскошный стол во дворе. Сопровождающие лица всё понимали и уже в открытую стали «прокладывать царю дорогу», находя вместе с ним всё новые причины проконтролировать строительство…

Для тех, кто знавал багрянородную Зою в прежние годы и в прежние её браки, случившееся потом выглядело чем-то совершенно невероятным. Присмотревшись к своей супруге поближе и немного поразмыслив, Константин счёл вполне возможным обратиться к ней с новой просьбой: теперь уже официально ввести Марию в царские покои, подкрепив её будущий высокий статус соответствующим «договором о дружбе». И — о, чудо! — в ответ Зоя мило улыбнулась мужу и лишь кивнула головой в знак своего согласия.

Ради неё, Марии, был возрождён полузабытый титул ***севаста***, который в стародавние времена применялся исключительно к царствующим особам. Собственно, к ней и обращались теперь, как к царствующей особе, практически равной по положению самим императрицам.

> Они разделили между собой палаты: императору досталась средняя из трёх, царицы поселились в крайней, а внутренние покои заняла севаста, и царица входила в комнату самодержца не иначе, как предварительно убедившись, что он у себя и вдали от возлюбленной.

Да, но что же случилось с той Зоей, которую все мы помним?.. Куда подевалась у неё хотя бы элементарная женская ревность, элементарная гордость?..

Случилось… давно… год назад, когда умер её любимый Михаил. Она ведь не лукавила, когда объяснила «простому народу», что, выходя в третий раз замуж, она приносит себя в жертву — ради мира и спокойствия в государстве. Брак с Константином Мономахом был для неё браком по государственному расчёту — и ничего более в этом браке для неё не было. Теперь это была лишь старая, очень уставшая женщина, потерявшая всё, что любила, и нашедшая всё, в чём уже не нуждалась…

> К старости стала Зоя уже нетверда рассудком, но не то чтобы лишилась разума или сошла с ума, а просто

> потеряла всякое представление о делах… <…> Достигнув семидесяти лет, она сохранила лицо без единой морщинки и цвела юной красотой, однако не могла унять дрожи в руках, и её спина согнулась…

Но ещё прежде чем Зоя достигла семидесяти лет, все они, «триединое существо», потеряли Марию Склирену: она, ещё ведь нестарая годами, занедужила и, несмотря на все усилия лучших врачей, умерла. А ещё через пять лет, в 1050 году, скончалась и Зоя. И всякий раз Константин был безутешен, и обе могилы он «орошал слезами», а после смерти жены Зои так и вообще требовал причислить её к лику святых…

Сам Константин не был святым. После смерти Марии Склирены в его жизни случилась и ещё одна большая любовь; ждали его ещё и войны, и болезни, и победы, и поражения… А в январе 1055 года пришла, наконец, и его пора. После 12 лет совместного царствования Феодора осталась совсем одна. А ещё через полтора года не станет и Феодоры… Как и старшая сестра Зоя, она прожила ровно 72 года. С её смертью окончательно прервалась та императорская династия, которую у нас называют Македонской, а за рубежом иногда — Армянской…

Византийская мозаика

Мозаика в Софийском соборе Константинополя

В южной галерее константинопольской Софии сохранилась мозаика, фрагменты которой уже встречались по ходу рассказа. Константин Мономах и Зоя со святыми дарами, а между ними — Иисус Христос. Мозаика эта непростая, в ней словно бы отразилось и застыло само время. Когда мозаику создавали, была жива Зоя и был жив Михаил, её любимый второй муж. Их-то обоих мастера и запечатлели тогда в разноцветных камешках — Михаила и Зою…

А потом её Михаил умер, не захотев с ней даже проститься. Новый император, Конопатчик, правил недолго, всего 4 месяца, но он успел при этом дать распоряжение уничтожить на мозаике изображение Зои. Распоряжение это было выполнено.

А потом… потом вспыхнула апрельская революция, и не стало Конопатчика. Ради высших государственных интересов Зою выдали замуж в третий раз. Её мозаичное изображение было восстановлено, и заодно вместо головы покойного Михаила, не тронув его фигуры, изобразили разноцветными камешками более актуальную тогда голову — Константина Мономаха, третьего мужа Зои, её «государственного мужа».

С тех пор там оно так и осталось. Навсегда, на веки вечные: Михаил с лицом Константина.

Тогда же, по не совсем понятным причинам, переделка коснулась и головы Христа. По одной из версий, это сама Зоя попросила мастеров сделать так, чтобы взор Спасителя был направлен не на Константина, а на неё…

Багрянородная «царица» русских летописей

Уже говорилось, с какой неохотой, «будто в полон», отправлялась 25-летняя византийская царевна Анна замуж в неласковую землю варваров-скифов. Но её Византии в то время позарез нужен был военный союз с Владимиром Красное Солнышко, а если ещё учесть, что одним из условий этого брака было обращение в христианскую веру самого вождя русов, то, пожалуй, это был тот нечастый в дипломатии случай, когда в выигрыше оказались обе стороны. Царственные братья Анны, 30-летний Василий II (пока что не Болгаробойца, это сомнительное прозвище он получит много позже) и 28-летний Константин, приложили немало усилий, чтобы Анна скрепя сердце согласилась принести себя в жертву.

Никогда больше не увидит Анна ни братьев своих, ни двух своих очаровательных племянниц, дочерей Константина: 10-летнюю капризную модницу Зою и по-детски неуклюжую и молчаливую 4-летнюю Феодору…

> …И едва принудили её. Она же села в корабль, попрощалась с ближними своими с плачем и отправилась через море. И пришла в Корсунь, и вышли корсунцы навстречу ей с поклоном, и ввели её в город, и посадили её в палате…

Корсунь — это ведь античный Херсонес Таврический, который византийцы называли просто Херсон. Здесь, в Херсонесе Таврическом, должно было состояться и крещение жениха-варвара, и бракосочетание по христианскому обычаю. Сюда, в Херсонес, вместе с Анной прибыл солидный «десант» византийских священнослужителей: им предстояла огромная работа по обращению в истинную веру всей необъятной Руси — от Новгорода до Киева…

Херсонес встречает «царицу» Анну, невесту Красного Солнышка (миниатюра из Радзивилловской летописи).

Вовсе не из экстравагантности и не из желания провести медовый месяц у моря Владимир принял христианство именно в Херсонесе Таврическом, а не в Киеве (или, скажем, в Новгороде), и массовое крещение в водах Днепра произошло потом вовсе не из дальновидного желания князя передать потомкам красивую легенду — вовсе нет. Просто во всей «необъятной Руси», ни в Киеве и ни в Новгороде, не было ещё ни одного сколько-нибудь приличного храма, не говоря уж о сколько-нибудь вместительном… Русская «Повесть временных лет» кратко отмечает:

> Крестился же он в церкви святого Василия, а стоит церковь та в городе Корсуни посреди града, где собираются корсунцы на торг; палата же Владимира стоит с края церкви и до наших дней, а царицына палата — за алтарём. После крещения привели царицу для совершения брака…

Древний греческий Херсонес, или византийский Херсон, или Корсунь русских летописей — ныне это окраина Севастополя. За прошедшую с тех пор добрую тысячу лет остались от того Херсона одни лишь развалины, а на месте церкви, где крестился Владимир и где безутешная Анна стала его женой, высится ныне храм святого Владимира.

Вот тут всё это и произошло. Развалины Херсонеса Таврического — византийского Херсона. Вид на храм св. Владимира.

О дальнейшей жизни Анны в летописях говорится мало и скупо, а ведь именно она, родная тётка Зои и Феодоры, и руководила становлением Русской церкви. Ей, багрянородной «царице» Анне, представлявшей в стране варваров Империю, фактически подчинялись все самые первые на Руси христианские иерархи, по её инициативе здесь было возведено множество церквей, под её неусыпным оком находился весь сложный процесс христианизации Руси — не будет, наверное, преувеличением сказать, что и само замужество своё она считала чем-то вроде миссионерства.

Анна умерла в 1011 году; Владимир пережил её на 4 года. Об их общих детях ничего толком не известно, но от других жён — как теперь сказали бы, «гражданских» — детей у Владимира было предостаточно. Один из его сыновей, всё супружество своего отца и Анны прокняживший в Ростове (подмосковный Ростов Великий из «Золотого кольца России»), а потом получивший в удел Новгород, после смерти Красного Солнышка сумел-таки в кровопролитной междоусобице оттеснить прочих отцовских наследников и через несколько лет стать великим князем всея Руси. Его правление продолжалось 37 лет, до начала 1054 года: другими словами, все византийские события, о которых рассказывалось выше, происходили именно при его княжении.

В историю он вошёл с прозвищем «Мудрый» — Ярослав Мудрый…

Из варяг да в греки

Тесный военно-политический союз с Империей, подкреплённый женитьбой князя Владимира на сестре Василия Болгаробойцы, оставался неизменным вплоть до его смерти. Политику своего отца продолжил и Ярослав Мудрый. Русские купцы отнюдь не были в Константинополе какой-то экзотикой, а русско-варяжские отряды, составленные из профессиональных воинов и нередко многотысячные, не раз выручали императоров в самых непростых для них ситуациях, активно участвуя как в подавлении опасных мятежей, так и во внешних завоевательных походах.

Русско-варяжские?.. Именно так. Византийцы в то время едва ли делали различие между прибывавшими с севера варварами — все они, в общем, были для них Rhosi. Да и на самой Руси деловые, торговые, родственные, какие угодно связи с лежащими к северу территориями были очень тесными. К примеру, жена Ярослава Мудрого Ингигерда (Ирина) приходилась шведскому королю дочерью. До замужества у неё была взаимная любовь с норвежским королём Олафом, уже и о свадьбе сговорились, но… но неожиданно прибыли сваты от Ярослава, и отец из двух именитых женихов предпочёл второго — Ингигерда отправилась в Новгород, к Ярославу, а Олаф вынужден был жениться на её сводной сестре.

Олаф для Норвегии значит примерно то же, что Владимир Красное Солнышко для Руси. Впоследствии он был канонизирован, и его равно почитают и западные христиане, и восточные. Олаф Святой… ну, как святой… Спустя лет десять Олаф вынужден был бежать из родных мест, и прибежал он — естественно, в Новгород, к Ярославу и Ингигерде-Ирине. Там он прожил около полугода и, как намекают древние саги, имел со своей бывшей невестой «тайную связь»:

> …Когда Олаф Святой, Гаральдович, был (в гостях) в Гардарик <«страна городов», то есть Русь — *В. А.*>, он много беседовал с Рогнвальдом <родственник Ингигерды — *В. А.*>, и они тесно подружились, ибо все знатные мужи весьма уважали конунга Олафа во время пребывания его в том краю, но всех более ярл Рогнвальд и господыня Ингигерда, которая даже имела с ним тайную любовную связь (hvárt unni öðru með leyndri ást).

Некоторые современные исследователи считают даже, что

именно Олаф Святой, а не Ярослав Мудрый, и был настоящим отцом князя Всеволода Ярославича, родившегося в 1030 году. В том же году, вскоре после возвращения на родину, Олаф погиб. Но это так, к слову.

Между Скандинавией на севере и Византией на юге… Собственно, в этом тигле и выплавлялся русский характер, русский менталитет. Формировалось само это понятие — русские…

Примерно через год после этих двух событий — отъезда на родину Олафа Святого (тогда, то есть, ещё не святого) и рождения сына Всеволода — Ярослав принимал у себя ещё одного варяжского гостя. Им был некто Харальд, 16-летний единоутробный брат Олафа, норвежский юноша из хорошей семьи: его отцом был Сигурд Свинья — пусть и не очень значительный, но всё же, как-никак, король… На дворе стоял 1031 год (третий год правления несчастного Романа, первого мужа багрянородной Зои).

Ярослав принял задиристого юношу с распростёртыми объятиями, и буквально в тот же год Харальд вдоволь навоевался, приняв участие в походе Ярослава на поляков. А потом между ними состоялся такой вот разговор:

— У тебя есть дочь, я хотел бы стать твоим зятем.

— А, мысли тайны от туманов… Вот и Олаф, братец твой покойный, тоже всё чего-то хотел…

— Да ты!.. Да я!..

— Тих-тих!.. Мало ли что у меня есть… Важно, что у тебя-то, сынок, ничего пока нет, кроме славного имени, — а ведь оно и правда, кто ж не слышал про Сигурда Свинью, рачительный был хозяин… Так порешим: поезжай-ка ты, паря, в Царьград, повоюй, поднакопи деньжонок, тем временем и Елисава моя подрастёт. Ну а как возвернёшься — там и видно будет…

Вот так Харальд оказался в столице Империи. Шёл уже 1034 год. Отравив при участии брата Иоанна и самой Зои её первого мужа, императором стал Михаил, её «стыдливый муж». Вступив же на престол, Михаил сделал две вещи: отправил на остров Лесбос потенциального соперника, Константина Мономаха, и весьма охотно принял на службу Харальда вместе с его дружиной.

Древние скандинавские саги сообщают:

> …В то время Страною Греков правила конунгова жена Зоэ Могучая вместе с Микьялем Каталактом. И когда Харальд прибыл в Миклагард <т. е. в «Большой город», Константинополь — *В. А.*> и встретился с конунговой женой, он поступил к ней на службу. Осенью

> он отплыл на галере вместе с войском, и они плавали по Греческому Морю. У Харальда была своя дружина. А предводителем войска был человек по имени Гюргир. Он был сородичем конунговой жены…

Надо прямо сказать, что все семь лет царствования «стыдливого мужа» Харальд трудился не покладая рук: воевал тут и там, и на суше и на море, убивал, насиловал, грабил, обманывал, совершал обычные на войне подлости, чаще побеждал чем проигрывал, но деньги, и очень даже неплохие деньги, он зарабатывал неизменно…

Интересная деталь: почти всё заработанное непосильным трудом, всё до последней копеечки, предусмотрительный молодой человек отсылал Ярославу Мудрому, на сохранение, — очевидно, испытывая к будущему тестю полное и безусловное доверие.

> …Но всё то богатство, которое он получал и которое не было нужно ему для своих воинов, он посылал со своими верными людьми на север в Хольмгард <в Новгород — *В. А.*> во власть и на хранение конунгу Ярицлейву. И собралось там такое непомерно большое, что никто не мог точно сказать, богатство, какое легко можно себе представить, когда он воевал в той части мира, которая была чуть ли не богаче всех остальных золотом и драгоценностями…

В декабре 1041 года император Михаил умер, и власть из рук безутешной Зои получил его племянник по прозвищу Конопатчик. Правил он недолго, четыре месяца, но успел за это время многих ослепить-оскопить и нажить себе множество врагов —

неудивительно поэтому, что даже свою личную охрану незадачливый император поручил русско-варяжским профессионалам.

Когда в апреле 1042 года в «простом народе» внезапно пробудилось достоинство, русско-варяжские профессионалы столкнулись с нелёгким выбором: чью сторону им принять, чтоб не слишком прогадать и не ходить потом с искусанными локтями?..

В итоге, видимо, часть профессионалов защищала законного царя, тогда как другая часть, со всеми своими мечами и секирами, перешла на сторону революции и штурмовала царский дворец (источники сообщают, что в те апрельские дни одних лишь погибших насчитали три тысячи…)

Харальд, как представляется, примкнул тогда к революционерам (помимо отменного чутья, у него ещё была и некоторая личная неприязнь к Конопатчику). И если дыма без огня не бывает и скандинавским сагам можно хоть в чём-нибудь верить, то роль молодого Харальда в апрельской революции была очень даже заметной: быть может, Харальд был одним из тех «опытных людей», которым руководители восстания поручили собственноручно ослепить свергнутого императора.

…Страшной метой витязь
Эгдов лик владыке
Греческому — *почесть*
По заслугам! — метил.

…И во многих других песнях о нём рассказано, что Харальд ослепил самого конунга греков. Скальды могли бы приписать этот поступок военачальнику или графу или другому знатному человеку, если б знали, что это более правильно. Но Харальд сам рассказывал так, да и другие люди, которые там были вместе с ним…

Вскоре победившая революция достоинства, как ей и полагается, начала поиски украденных у «простого народа» ценностей — и, соответственно, виновных в краже. Само собой разумеется, что Харальд с его пресловутыми «несметными богатствами» попал под подозрение одним из первых — даром что герой революции. Припомнили, видимо, и доверительное отношение к нему покойного царя Михаила, когда-то коварно покусившегося на царя теперешнего, Константина Мономаха (имеется в виду пресловутый остров Лесбос). Ну, и так далее…

Короче говоря, Харальд даже оказался в тюрьме, но каким-то

образом смог из неё выбраться и теперь должен был спешно покинуть ставшую вдруг негостеприимной Византию и бежать из Константинополя — под крылышко мудрого «конунга Ярицлейва». Ну а тот ещё раз распахнул свои объятия: Харальд получил от него и те самые «несметные богатства», и жену — подросшую княжескую дочь Елисаву (иначе Эллисив, или Елизавета Ярославна).

В 1029 году, когда Харальд и Елисава впервые встретились, ему было 14 лет, а ей — всего 4. Когда он впервые попросил у Ярослава её руки, ему было уже 19, а ей — только лишь 9. Когда они стали, наконец, мужем и женой, Харальду исполнилось 28 лет, а Елисаве — 18.

Он в Киев престольный въезжает, крестясь;
И гостя радушно встречая,
Выходит из терема ласковый князь,
А с ним и княжна молодая.

— Здорово, Гаральд! Ты скажи: из какой
На Русь воротился ты дали?
Промешкал довольно в земле ты чужой,
Давно мы тебя не видали!

— Я, княже, уехал, любви не стяжав,
Уехал безвестный и бедный;
Но ныне к тебе, государь Ярослав,
Вернулся я в славе победной!

Я город Палермо в разор разорил,
Я грабил поморья Царьграда,
Ладьи жемчугом по края нагрузил,
А тканей и мерить не надо!

Я ужасом стал отдалённых морей,
Нигде моей славе нет равной!
Согласна ли сделаться ныне моей,
Звезда ты моя, Ярославна?..

Алексей Константинович Толстой, отрывок из баллады «Песнь о Гаральде и Ярославне»…

Харальд III, уже как норвежский король (фрагмент средневековой миниатюры).

И чтоб закончить рассказ об этом зяте Ярослава Мудрого. Вернувшись в свои северные края, молодой норвежский принц — практически ведь шекспировский Фортинбрас, не правда ли?.. — в 1047 году стал королём Норвегии. Полагая, что у него есть права также и на датский трон, последующие 17 лет Харальд потратил на то, чтобы стать королём Дании, однако не преуспел в этом.

Затем его взоры обратились на Англию. В 1066 году он вместе со всем войском, женой Эллисив и детьми высадился на английском побережье. Дело было в сентябре. Сперва всё складывалось вроде бы и неплохо, но потом, 25 числа, армия Харальда в ожесточенной битве была разгромлена войсками его англосаксонского тёзки, короля Гарольда. Вот тогда-то и погиб наш Харальд. Дальнейшая судьба его жены, Елизаветы Ярославны, неизвестна. Ирония судьбы заключается в том, что своим последним, кровопролитным сражением зять Ярослава Мудрого предопределил победу нормандского герцога Вильгельма Завоевателя, другого претендента на английский престол, в знаменитой битве при Гастингсе, состоявшейся менее чем через три недели после его гибели.

И кто знает, как сложилась бы история Европы, если б Харальду в той его сентябрьской битве в очередной раз улыбнулась всю жизнь сопутствовавшая ему удача…

Милые бранятся — только тешатся

При всех его милых достоинствах у императора Константина Мономаха был, кажется, один малюсенький, но очень серьёзный недостаток: человеком он был довольно мстительным. Проще говоря, жалкая, ничтожная личность. Чего стоит, к примеру, упомянутое выше маниакальное стремление представить героя революции, проливавшего за неё кровь, этаким олигархом, якобы ладьями вывозившим из страны золото и бриллианты. А всё почему? Потому что Харальду, видите ли, доверял покойный император Михаил, который когда-то — почти десять лет назад — по разумному совету своего брата Иоанна отправил Константина Мономаха на остров Лесбос.

Или вот история с мозаикой в Софийском соборе, первоначально изображавшей Михаила и Зою. Конопатчик приказал сбить изображение Зои — ну, тиран он и есть тиран, что с него взять. Но ведь и новый император Константин, едва узрев на мозаике ненавистное лицо Михаила, тут же распорядился заменить его своим собственным лицом — это как назвать? это нормально?..

Или взять хоть того Иоанна… Его ещё Конопатчик репрессировал: отправил в ссылку (да на тот же остров Лесбос, кстати). Казалось бы, пострадал человек от тирана, всё что имел потерял — так и оставь его в покое, займись ты своими царскими делами. Но нет: злопамятный Мономах целый год, уже после революции, искал Иоанна, а как нашёл, тут же приказал Иоанна ослепить, да ещё и самым зверским образом — бедняга не прожил после этого и нескольких дней…

Май 1043 года. Ослепление Иоанна, брата покойного императора Михаила. Миниатюра из средневековой рукописи.

Если говорить серьёзно, то, конечно, не один лишь Константин Мономах повинен в том, что сразу же после победы революции достоинства в Империи была развязана своеобразная «охота на ведьм». Всё происходило вполне естественно: ведь в стране, что там ни говори, случился государственный переворот, и новым властям просто необходимо было произвести массовую чистку управленческого аппарата от укоренившихся в нём сторонников и ставленников как тирана Конопатчика, так предыдущего, достаточно успешного, императора Михаила.

Процесс пошёл, полетели головы, начали рваться связи и рушиться устои, складывавшиеся годами, а то и десятилетиями. А среди тех сторонников и ставленников, между прочим, было немало так называемых «тавроскифов», то есть русов и близких им варягов, — особенно много их было среди военной элиты, но ведь и среди гражданских их тоже было немало. Сказалось, конечно, и то, что часть русско-варяжских профессионалов в кровопролитных апрельских боях сражались вовсе не на стороне революции, и то, что они участвовали в опасном вооружённом мятеже, вспыхнувшем на западе Империи уже летом того года.

Как бы то ни было, первые годы царствования Константина Мономаха были ознаменованы вспышкой самой настоящей, как теперь бы сказали, русофобии: причину всех неприятностей, постигших Империю после и в результате переворота, новые власти во многом относили на счёт «тавроскифов». Пселл, бывший тогда в самом центре событий, выражается предельно чётко:

> Это варварское племя <Пселл говорит так о «росах» — *В. А.*> всё время кипит злобой и ненавистью к Ромейской державе и, непрерывно придумывая то одно, то другое, ищет предлога для войны с нами.

«Предлог» нашёлся очень быстро: где-то летом 1042 года на рынке в Константинополе между местными жителями и понаехавшими «варварами» случилась драка, во время которой был убит некий «знатный скиф» (быть может, даже и не обычный купец, а высокопоставленный русский дипломат). В прежние годы этот ведь не слишком судьбоносный инцидент можно было бы решить, не доводя дело до войны, но в обстановке послереволюционного русофобского психоза необходимой гибкости новым византийским властям не хватило.

В свою очередь, и Ярослав Мудрый, надо полагать, испытывал сильное давление со стороны бежавших из Византии его подданных и друзей. Они убеждали его, что в Империи

произошёл переворот, что страна охвачена мятежами, что теперь-де самое время для нетрудной военной победы и лёгкой богатой добычи (уж кто-кто, а принц Харальд, непобедимый и ужасный зять Ярослава, наверняка твердил ему что-нибудь в этом духе).

Мудрый Ярослав, поразмыслив немного, уклонился от какого бы то ни было личного участия в предстоявшей войне, перепоручив её старшему сыну Владимиру, княжившему в Новгороде.

Начать войну представилось только лишь с началом лета 1043 года. Ядро войска Владимира Ярославича составили новгородцы и наёмники-варяги. Сообщает «Повесть временных лет»:

> …Послал Ярослав сына своего Владимира на греков и дал ему много воинов, а воеводство поручил Вышате, отцу Яня. И отправился Владимир в ладьях, и приплыл к Дунаю, и направился к Царьграду…

Вначале, как водится, между сторонами состоялся (по инициативе Константина Мономаха) краткий обмен мнениями о возможности закончить войну, не начав её, — через уплату Византией некоей разумной контрибуции. В ходе переговоров, однако, стороны не сошлись в цене. Пселл раздражённо замечает по этому поводу:

> …Они придумали такое, то ли полагая, что у нас текут какие-то золотоносные источники, то ли потому, что в любом случае намеревались сражаться и специально выставляли неосуществимые условия, ища благовидный предлог для войны…

Войско Владимира Ярославича насчитывало до 20 тысяч воинов, прибывших под стены Константинополя на нескольких сотнях мелких судов. Против них царь Константин Мономах выставил всё, что смог собрать за год, — и этого было тоже немало.

В состоявшемся вблизи столицы морском сражении византийцы применили своё страшное по тем временам огнемётное оружие — «греческий огонь». Но судьбу битвы решил всё же не он, а разыгравшийся шторм, который не только разметал лёгкие русские судёнышки, но и погнал их прямо к береговым скалам…

Михаил Пселл, который был очевидцем разгрома русского флота, описывает дальнейшее с нескрываемым удовлетворением:

> …Одни корабли вздыбившиеся волны накрыли сразу, другие же долго ещё волокли по морю и потом бросили на скалы и на крутой берег; за некоторыми из них пустились в погоню наши триеры, одни челны они пустили под воду вместе с командой, а другие воины с триер продырявили и полузатопленными доставили к ближайшему берегу. И устроили тогда варварам истинное кровопускание, казалось, будто излившийся из рек поток крови окрасил море.

Согласно «Повести временных лет», корабль Владимира Ярославича тоже был разбит, и новгородский князь перебрался на другое судно, чтобы потом вместе с дружиной отправиться морским путём восвояси, на Русь. В погоню за ними византийцы выслали эскадру, но тут уже русский флот одержал полную победу и благополучно вернулся в родные пенаты.

Вот так всё это представлял себе средневековый художник. Миниатюра из Радзивилловской летописи.

Иная судьба ждала тех, кто оказался на берегу. Свидетельствует «Повесть временных лет»:

> …Прочих же воинов Владимировых, числом до 6000 <скорее всего, тут летописец допустил довольно значительное преувеличение — *В. А.*>, выбросило на берег, и, когда они захотели было пойти на Русь, никто не пошел с ними из дружины княжеской. И сказал Вышата <упомянутый выше воевода из Новгорода — *В. А.*>: «Я пойду с ними». И высадился к ним с корабля, и сказал: «Если буду жив, то с ними, если погибну, то с дружиной». И пошли, намереваясь дойти до Руси…

Этот отряд, командование над которым добровольно принял опытный военачальник Вышата, сын новгородского посадника, до Руси, однако, не дошёл. «Повесть временных лет» продолжает:

> … Вышату же схватили вместе с выброшенными на берег, и привели в Царьград, и ослепили много русских. Спустя три года, когда установился мир, отпущен был Вышата на Русь к Ярославу…

До сих пор непонятно, продолжались ли потом военные действия, ведь мир, как указывает летописец, установился лишь «спустя три года». Совсем даже не исключено, что продолжались, и не без успеха для русских, ибо в итоге мир тот был заключён не как мир между победителем и побеждённым, а как мир ко всеобщему удовлетворению между равными по силе сторонами.

Что ж, «стороны» объективно нуждались друг в друге: связанная с Империей одной и той же церковью, Русь жадно впитывала богатую византийскую культуру, а раздираемой со всех сторон Византии, в свою очередь, постоянно требовалась русская военная помощь. Они нуждались друг в друге, как бы это ни было неприятно константинопольским русофобам (кстати сказать, к концу 40-х годов и сам Михаил Пселл, и его высокопоставленные единомышленники при византийском дворе лишатся своих постов и попадут в опалу).

Мир, по обычаям того времени, должен был быть подкреплён династическим браком. Но ни у Зои, ни у Феодоры детей, как известно, не было вообще, как не могло их быть и у императора Константина Мономаха, который и находился-то на престоле всего лишь несколько лет. Правда, у Мономаха была совсем ещё молоденькая дочь, рождённая задолго до его воцарения. Ярослав согласился на эту кандидатуру, в качестве жениха предложив своего 16-летнего сына Всеволода (который, как мы помним, родился в год несчастливого отъезда Олафа Святого из Новгорода).

Нет никакой определённости насчёт того, как звали невесту — не то Мария, не то Анастасия… в общем, Мономахиня, и всё тут — и кто была её мать: матерью Мономахини могла быть как вторая жена Константина, умершая ещё до его ссылки на остров Лесбос, так и Мария Склирена, его гражданская жена, — та самая «севаста», которая делила с императрицей Зоей царские покои.

Брак Всеволода и Мономахини состоялся в 1046 году, но ввиду молодости супругов детей у них довольно долгое время не было. И только лишь в записи за 1053 год «Повесть временных лет» кратко сообщает:

У Всеволода родился сын от дочери царской, гречанки, и нарек имя ему Владимир.

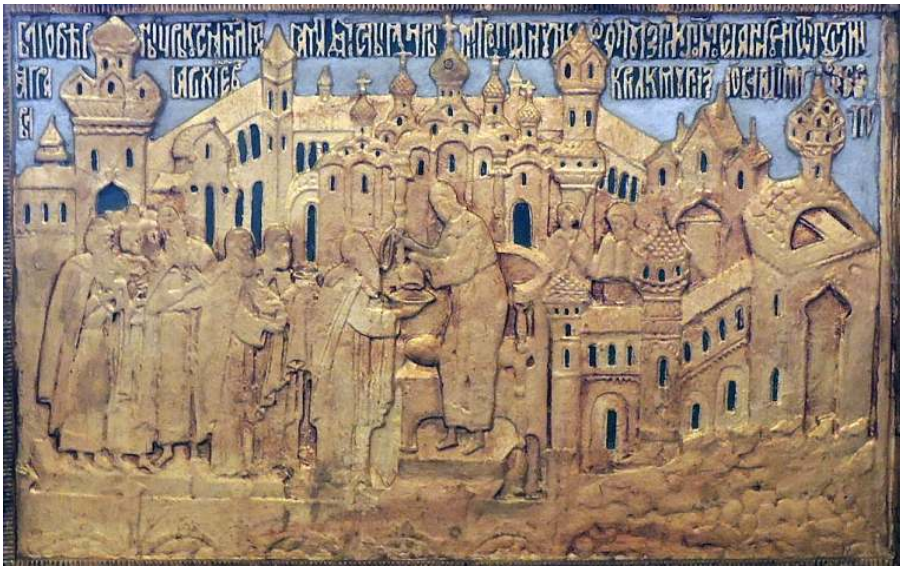
Маленькому Владимиру, стало быть, не исполнилось ещё и годика, когда умер его киевский дедушка Ярослав. Ему не исполнилось ещё и двух лет, когда скончался другой его дедушка — Константин Мономах.

Шапка Мономаха

Дедушка Константин… Два годика… Пятьсот лет назад «Сказание о князьях Владимирских», памятник русской литературы начала XVI века, сообщило читателям некоторые подробности:

> В то время правил в Царьграде благочестивый царь Константин Мономах… И принял он мудрое царское решение — отправил послов к великому князю Владимиру Всеволодовичу…
>
> С шеи своей снял он животворящий крест, сделанный из животворящего древа, на котором был распят сам владыка Христос. С головы же своей снял он венец царский и положил его на блюдо золотое. Повелел он принести сердоликовую чашу, из которой Август, царь римский, пил вино, и ожерелье, которое он на плечах своих носил, и цепь, скованную из аравийского золота, и много других даров царских <…> и послал их к великому князю Владимиру Всеволодовичу…

Так называемое «царское место», сооружённое Иваном Грозным в Успенском соборе Кремля, украшено барельефами, на одном из которых представлена эта трогательная сцена: император Константин Мономах, сняв с себя всё что можно, отправляет атрибуты царской власти внуку своему Владимиру. По идее, всё это происходит примерно в 1115 году: внуку Владимиру в том году исполнилось 62, а дедушки с барельефа не было к тому времени в живых уже лет 60.



Константин Мономах собирает дары для внука Владимира. Барельеф Мономахова трона в Успенском соборе Кремля.

И тем не менее, всей арифметике вопреки, дедушка и внук прекрасно ладили друг с другом… Никаких сомнений на сей счёт авторы «Сказания о князьях Владимирских» не ведают:

> И с тех пор великий князь Владимир Всеволодович стал именоваться Мономахом, царём великой Руси. И пребывал после того во всё время с царём Константином в мире и любви. С тех пор и доныне тем венцом царским, который прислал греческий царь Константин Мономах, венчаются великие князья владимирские, когда ставятся на великое княжение русское…

Конечно же, вовсе не «с тех пор» великий князь Владимир Всеволодович стал именоваться Мономахом: он ведь ***действительно*** был внуком Константина (и, скорее всего, единственным его внуком). Он получил это имя от своей матери и именовался Мономахом по факту рождения. Только какое всё это имело значение в XVI веке — был Владимир или не был внуком какого-то полузабытого, метеором промелькнувшего императора ушедшей в небытие империи, который и стал-то им в результате сомнительных интриг, и ничем особенным себя на престоле не проявил.

Шапка Мономаха.

Внук или не внук — какие, право, пустяки… В XVI веке гораздо важнее было совсем другое: правитель уходящего в небытие «второго Рима» именно Владимиру, первому настоящему властелину «всея Руси», счёл необходимым передать — словно символическую эстафету — всё самое заветное: христианский крест «из животворящего древа», реликвии от самого первого императора того ещё, первого, Рима и, напоследок, свой собственный царский венец — венец императоров Рима второго, всем нам хорошо теперь известную «шапку Мономаха»… ***«Два убо Рима падоша, а третий стоитъ, а четвертому не быти»***. Два Рима пали, третий стоит, а четвёртому не бывать.

> Шапка царская золота, сканая. Мономахова, на ней крест золотой гладкий, на нём по концам и в исподи четыре зерна гурмицких, да в ней каменья, в золотых гнёздах: над яблоком, яхонт жёлтый, яхонт лазоревый, лал, промеж ними три зерна гурмыцких; да на ней четыре изумруда, два лала, две коры яхонтовых, в золотых гнёздах, двадцать пять зёрен гурмицких, на золотых спнях; около соболей: подложена атласом червчатым: влагалище деревянное, оклеено бархателью травчатою, закладки и крючки серебряны.

Надо ли упоминать, что та «шапка Мономаха», которая хранится ныне в Оружейной палате Кремля, никакого отношения к обоим Мономахам — ни к деду и ни к внуку — не имеет?.. И всё

же это очень старая и очень почитаемая царская регалия, известная по документам ещё с XIV века. Все русские цари, вплоть до Петра Первого, венчались на царство именно ею…

Владимир Мономах, внук не слишком удачливого императора Константина, стоял у истоков русской государственности в её самый первый, ещё домонгольский период. Его имя и в наши дни остаётся одним из символов России…

Атомная подводная лодка (АПЛ) типа «Борей» «Владимир Мономах» в октябре-ноябре нынешнего года проведёт запуск межконтинентальной баллистической ракеты «Булава».

До конца 2015 года «Владимир Мономах» будет принят в состав сил постоянной готовности Военно-морского флота.

В настоящее время в состав ВМФ России уже есть две АПЛ проекта 955 «Борей» — «Юрий Долгорукий» (Северный флот) и «Александр Невский» (Тихоокеанский флот). Ещё два крейсера — «Князь Олег» и «Князь Владимир» — строятся на «Севмаше»…

Холодно, должно быть, «Мономаху» на Северном флоте… Атомный подводный крейсер «Владимир Мономах».

2015 год. Да, ровно тысяча лет…

1015 год. В тот год, ровно тысячу лет назад, скончался князь Владимир. Его сын, 37-летний Ярослав, начал в тот год борьбу за

отцовский престол. Засидевшаяся в девках Зоя, ровесница Ярослава и племянница его покойной мачехи, металась в царских покоях константинопольского Большого дворца, изо всех сил стараясь сдержать время. Её дядя, император Василий, в тот год в полной мере заслужил своё прозвище «Болгаробойца».

1015 год. В провинциальной Пафлагонии, чьи берега смотрят прямо на древнюю Таврию, чумазый 5-летний мальчуган по имени Михаил не смел даже и мечтать о том, что когда-нибудь его полюбит царская племянница и царская дочь и что сам он станет императором.

1015 год. В тот же год у старшей сестры Михаила родился сын, который с презрительным прозвищем Конопатчик станет императором после него. В тот же год, в далёкой северной стране, у местного деревенского «короля» Сигурда по прозвищу Свинья тоже родился сын, которого назвали Харальд и который спустя годы станет, быть может, палачом Конопатчика. В тот же год 20-летний Олаф, сводный брат Харальда, объявил себя королём Норвегии. Никто ещё не мог тогда знать, что спустя годы к имени Олаф добавят — Святой. И никто до сих пор не знает, была ли верна Ярославу его верная жена Ингигерда…

1015 год. Константину Мономаху, выходцу из семьи потомственных, как теперь сказали бы, юристов, исполнилось 15 лет. Спустя немного времени он потеряет отца, обвинённого в заговоре против императора Василия Болгаробойцы. А спустя 27 лет он и сам станет императором. Перед смертью он ещё успеет узнать, что на Руси у него родился внук, которого назвали Владимиром.

1015 год… Всё было ещё впереди.

Валентин Антонов, август-сентябрь 2015 года